УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ
МАРИЙСКОГО НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО ИНСТИТУТА
ЯЗЫКА, ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОРИИ
в. VI 1954

К. А. ЧЕТКАРЕВ,
кандидат филологических наук

ЗНАЧЕНИЕ ТОПОНИМИКИ ДЛЯ ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ МАРИ

Введение

По сложности общественного положения марийцев и по неразработанности материала XI—XIII в.в. представляют большую трудность для тех, кто изучает историю марийского народа: марийские племена в этот исторический период находились под сильным влиянием двух культур: русской и болгарской. В то же время уже к этому периоду у марийцев складывалась своя собственная культура, выработанная ими в эпоху мирного сожительства с русскими племенами и мордвой на берегах Суры, Оки, Керженца, Ветлуги и других притоков средней Волги. Однако до настоящего времени мы не имеем еще ни одного специального исследования по данной интересной эпохе истории мари. Имеющиеся отрывочные высказывания о роли и жизни марийцев в это время дают лишь общие и слишком туманные сведения о них, которые подчас только затушевывают действительную историческую картину. Авторы этих работ пользуются высказываниями русской летописи и записками древних восточных и западных путешественников. Конечно, эти древние источники являются очень ценными и обязательными для каждого историка, но не единственными. Данная историческая литература требует к себе строго критического отношения, ибо каждый древний автор, преследуя свои политические цели, писал или даже только упоминал, иногда искажая и путая племенные названия о так называемых финно-угорских племенах Поволжья. Так, например, многие писатели древности путали чувашей с марийцами, марийцев с мордвой и удмуртами. Этой путанице способствовало еще наличие у этих народов по два и по три племенных названия.

Говоря о марийцах, даже позднейшая летопись, относящаяся к XIV—XVII векам, не проявила особой объективности, высказывая наряду с правдой всякого рода небылицы. Особенно характерны ложные домыслы у иностранных путешественников: Герберштейн, Отрюйс, Олеарий и др. называли марийцев не иначе, как разбойниками, не имеющими никакой цивили-

МАРИЙСКИЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ
ЯЗЫКА, ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОРИИ

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ

ВЫПУСК VI

ЯЗЫК, ЛИТЕРАТУРА, ИСТОРИЯ

ЙОШКАР-ОЛА
1954

зации. Голландский купец Отрюйс рассказывает, что, якобы, он, прибыв в Казань 29 июня 1668 года, видел марийцев, торгующих своими детьми, продававших их по 20 ефимков.[1] Подобным басням сейчас никто не верит, но они остаются неразоблаченными. Также не раскрыт наукой вопрос, почему марийцы разбойничали в лесах между Волгой и Вяткой в XII—XVI веках. Конечно, с подобным положением в науке по истории мари дальше мириться нельзя. Советским историкам предстоит выяснить, какие общественно-исторические причины заставили марийцев браться за оружие. Не менее интересен вопрос, против кого они выступали с этим оружием. Необходимо выяснить науке, не скрывается ли за этим кажущимся разбойничеством марийцев первые шаги их организованного отстаивания общеплеменных интересов от полного исчезновения с лица земли, нет ли тут какой-либо связи с общим историческим положением, переживаемым другими племенами этого края? И, наконец, все это нужно увязать с теми результатами, которые извлекли марийские племена из своей тревожной жизни в ту эпоху и как они отразились в дальнейшем на их быте и культуре. К сожалению, даже сейчас мы вынуждены заявить, что для окончательного решения всех этих вопросов наука не располагает еще достаточными данными. Но, все же, настоящее положение исследователя не совсем безнадежно, ибо у него имеется надежная веха — история русского народа — плод творчества многих деятелей русской исторической науки и особенно труды советских ученых, построенных на основе марксистско-ленинской теории. Если предшествующую историю мари приходится строить исключительно на археологических, антропологических, лингвистических и отчасти этнографических данных, которые иногда казались еще спорными, то здесь уже мы имеем возможность привлекать дополнительно материалы фольклора мари: исторические легенды, предания; древнемарийские сказки; даже старинные песни донесли до нас кое-какие свидетельства о жизни мари той эпохи. Но каждый из этих источников требует к себе критического отношения. Ввиду того, что местожительство марийцев в XI—XIII веках было примерно на этой же территории, что и сейчас, то и археологические памятники этого периода могут быть более достоверными и определенными, чем прежние, а также к этой главе можно смело привлекать материалы из живого языка и этнографии.

Что же касается до материалов фольклора мари, то при использовании их в качестве исторического источника придется отметить одну особенность. Не каждый сюжет фольклорного произведения говорит точно о каком-либо историческом событии или вещи, тем более, когда речь идет о довольно далекой

[1] Перевод Н. Новикова. Древняя Российская Вивлиофика, том III, в «Русском Архиве», 1880 г., том 1, стр. 72.

эпохе. Если и даже так, то его форма исполнения или изложения и внутреннее идейное содержание может свидетельствовать об основном направлении жизни, культуре, идеологии его носителей. Для того, чтобы обнаружить это, нужно очень внимательно, всесторонне проанализировать каждое устное произведение, даже представить себя на минуту древним творцом и последующим исполнителем старинного фольклора, суметь рассеять ту дымку, которой покрыто данное предание или песня, т. е. надо быть осведомленным в вопросах истории развития самого фольклорного произведения. Такой подход к привлекаемому марийскому фольклору нужен потому, что мы имеем перед собой задачу изучения марийско-русских отношений не только с фактической стороны, но и со стороны отражения этих отношений на развитие общей культуры народа.

Итак, перед нами целая историческая эпоха XI—XII в. в. нашей истории. Этот этап в марийско-русских отношениях складывается в совершенно новых, очень сложных исторических условиях. Русские племена уже объединились, приняли христианство, появились феодальные княжества: Московское, Ростовское, Суздальское, Тверское, растет Великий Новгород, Псков и т. д. Все эти общественные перемены в истории русского народа создали предпосылки для организации в XV—XVI в.в. единого русского Московского государства. Для марийского племени этот период истории также явился значительным в его общественном развитии. Период замкнутой племенной жизни кончился для мари, ибо он был с этого момента включен в общий процесс рождения нового общественного строя — феодализма. Если до XI века отношения русских племен с племенами Поволжья складывались на основе мирных хозяйственных и культурных связей, то сейчас они начинают строиться на основе военных отношений, т. е. племена Поволжья начинают принимать участие в междоусобной борьбе русских княжеств. Конечно, и в этих новых условиях (XI—XIII в.в.) простые люди, марийские и русские крестьяне, т. е. большинство тогдашнего общества, остались верны мирному, деловому характеру в своих отношениях, но здесь уже власть военачальника, князя все чаще и чаще нарушает старую традицию, вовлекая массы народа в вооруженную борьбу за свои интересы.

В частности для некоторой части марийского племени, особенно западной, создалось такое положение, что она должна была сделать более заметную перекочевку в северо-восточном направлении, именно на берега Вятки, Пижмы и других рек, организовать там свои укрепленные пункты, городки. Мы знаем, что фактически до нашествия батыевых полчищ марийское племя находилось в составе Болгарского царства, но это подчинение особенно в XI—XII в. в. было чисто формальным,

ибо вся северо-западная часть марийцев, будучи отдаленной окраиной его, не чувствовала тогда этой подчиненности, а вела, можно сказать, самостоятельный образ жизни и больше всего была связана с русскими княжествами. В XIII веке эта западная часть мари, даже по свидетельству русских летописей, являлась данниками Москвы.

Когда складывались русские княжества на северо-востоке России, марийские племена сразу были вовлечены в их междоусобные войны. В этот период начинается движение мари на север и восток с прежнего основного местожительства. С юга между русскими княжествами и марийцами оказалась мордва, которая потеснила часть марийцев, находившихся между Окой и Сурой, за реку Суру и на левый берег Волги, которые двинулись затем по Керженцу и Ветлуге — ближе к берегам верхней и средней Вятки, где уже обитали их сородичи. Русская летопись, повествующая о междоусобных войнах русских князей ни одним словом не обмолвилась о борьбе их с марийскими племенами. Наоборот, об участии марийцев в борьбе костромских князей с галицкими в качестве их союзников летопись свидетельствует определенно. Затем, позже, в XIV и XV веках марийцы уже сражаются в войсках галицких князей, делают нападения на Устюжскую область.

Все эти данные говорят, что западные марийцы и в болгарский период находились в экономических, культурных и военных отношениях с русскими.

I. О значении топонимики для древней истории мари

Первая страница истории марийского народа начинается с установления его племенной принадлежности. Этот вопрос до сих пор не решен, хотя над ним работают многие советские археологи и историки. Трудно решается он, вероятно, потому, что отсутствует контакт между нашими археологами, антропологами, этнографами, языковедами и историками. Такой контакт более чем необходим, ибо здесь речь идет об увязке доисторического периода жизни мари с периодом консолидации его в единое племя.

В первой части нашей работы мы хотели бы осветить преданный забвению вопрос о древних местах обитания марийского племени и о том, как оно постепенно откатывалось в восточном направлении с Волго-Окского междуречья на левый берег Волги и дальше к рекам Вятке и Каме. В виду того, что это движение было не маршевым, а слишком медленным, то естественно, уходя с прежних мест и частично ассимилируясь там же, на месте первоначального жительства с русскими поселенцами, марийское племя оставляет исторические памятники, которые разбросаны на всем пути исторического движения. К этим памятникам мы относим названия рек, озер, оврагов, названия городов, сел, деревень, которые звучат по-марийски и

разбросаны по берегам Волги, начиная от г. Костромы до Ветлуги.

Прежде всего, возьмем те хорографические названия, в которых слышатся племенные названия меря, мари, чимари, шемер и черемис. А. С. Уваров на основании местных названий, в корне которых лежит слово мер составил карту мерянской земли. «Название Мериново,— говорит он,— находящееся при колыбели мерянского народа в близи озера Клещина, и повторяющееся без всяких изменений в Вологодской, Нижегородской, Тверской и Ярославской губерниях, всего 8 раз, устраняет всякую возможность простого случая. Недаром все эти имена напоминают мерю и находятся в черте, проведенных нами границ. Между тем, как в смежном уезде Рузском, но лежащем вне рубежа мерянского народа, мы встречаем село Немерово или Немирово».[1] Мы здесь узнаем только те собственные названия, в словах которых слышится мари, мары, мар, мер, в соединении с другими марийскими словами, которые можно найти десятками на нынешней территории Марийской АССР. В бывшей Ярославской губернии: дер. Локсомер, на реке Локсомери, Ошмара, Черемино, Шимарово, Марма, Маравка; во Владимировской губ.: дер. Ючмер, Маймор, Марейкино, Замаричье, Ратмары, Чамерово, в двух уездах Шиморское; в Костромской губернии: Лумар, Лушмар, Шишимарово, Морищи, Мара; в Нижегородской губернии: Кемары, Кутмары, Маресево. Еще больше встречаются названия с именем черемис. Например, в Ярославской губ.: Черемисино, Черемсаново; во Владимирской губ.: река Чармус, дер. Черемисино — 2 раза, Черемиска; в Костромской губ.: дер. Черемисино — 2 раза, Черемиска, Черемисская, Черемиссково, Черемисское; в Нижегородской губ.: дер. Черемиска, Черемисская, Черемисский, при овраге Черемисском. «Только один и тот же народ мог раскинуть свои селения на обширном пространстве, повторять те же имена, или давать названия одинаково этимологического происхождения»,— говорит Уваров по поводу нерусских названий сел, деревень, рек.[2] Относительно вышеперечисленных названий можно сказать определенно, что названия деревень и рек, где слышится слово мар, мари, могли быть даны самими марийцами, ибо подобных названий на территории Марийской АССР очень много, например, Шудомари, Пумари, Вичмари и т. д., но селений с термином черемис на нынешней территории жительства марийцев не обнаружено. Следовательно, последние наименования даны не самими марийцами, но, они свидетельствуют о былом местожительстве марийцев в бывшей Владимирской, Ярославской, Костромской и Нижегородской губерниях. Вполне вероятно, что эти названия даны

---

[1] А. С. Уваров. Меряне и их быт... стр. 642.
[2] Там же, стр. 642.

новыми русскими поселенцами уже в то время, когда марийцы успели обрусеть или совсем удалились с тех мест. И сейчас можно встретить немало русских деревень с марийскими языческими именами в бывшей Владимирской губернии: Азиково, Аймусово, Ивачи, Ивачево; в Ярославской губернии: Басалаево, Ивачово, Тектемерово, Удрас, Чепасово, Якайлиха, Якаево, Яксайка; в Костромской губ.: Басалаев, Ивачово, Пехтулово, Тактары и т. д.

Пожалуй, самыми характерными названиями сел, деревень и топонимики являются те, в основе которых лежат марийские слова илем — местожительство, жилище, обитание, (равно и глагол я живу), колем — место смерти кого-нибудь (равно и глагол я умираю); шӱгар — могила. Например, во Владимирской губ. текут три речки: одна Илема, другая Илемка, третья — Колокша. В Ярославской губернии имеются местные названия: Ильмеш, Ильдомское, Ильдом, Колмово—букв. место умирания, река Тойма букв. место хоронения, Шигараш — могильное, Шугар — могила. В Костромской губ. имеется деревня Илешево — обитаемое, река Ильдомка. Кроме того, очень много местных названий в вышеуказанных губерниях с марийскими терминами: аба, ава — мать, кува — бабушка. Например, в Костромской губ. Абатурово — дважды, Куба, реч. Кубань, Абатуровка; в Ярославской губ. Кубаево, Абатурово, и те же названия повторяются в Вологодской, Московской, Нижегородской губерниях.

Исключительный интерес для истории мари представляют названия рек. Повторение марийских названий рек средневолжского бассейна, начиная от Костромы и Ярославля до г. Казани, дают неопровержимые данные о постепенном движении мари с запада на восток, с одной стороны, и подтверждают наше утверждение, что это движение началось с пределов обитания древнего меря и, что в эпоху встречи мари с русью у мари был уже свой племенной язык, следовательно, он был уже племенем, и если все древние названия мерянской территории объясняются при помощи даже современного марийского языка, то меря и мари являлись самыми близкими родственными племенами, языки которых к приходу русских не успели еще резко обособиться и существовали в пределах особых диалектов. Наоборот, в дальнейшем при полном территориальном слиянии этих двух племенных группировок создались благоприятные исторические условия для стирания хозяйственных, этнографических, языковых особенностей. Одновременно при этом шла такая же медленная русская колонизация. И в результате ни летописцы, ни даже русские поселенцы не могли заметить этот слишком медленный и мирный процесс исчезновения целого племени меря. Граница между меря и мари растаяла, и русские очутились лицом к лицу с так называемыми черемисами — чимарийцами. Этот

наш вывод подтверждается общностью антропологических, языковых и некоторых этнографических признаков между русским населением Костромской губернии и марийцами. Но об этом ниже, а сейчас посмотрим названия рек по обеим сторонам Волги, которые могут быть объяснены при помощи марийского языка.

Названия рек, гор, долин, даже больших оврагов не изменяются, они консервативны. Тем более, на рассматриваемой нами территории эти названия не могли быть изменены и по следующим причинам: во-первых, русские племена не вторглись в эти края вихрем, а пришли как мирные поселенцы и встретили аборигенов, которые уже обжили местность и нарекли имена своим рекам и урочищам; во-вторых, проживая вместе на одной территории, встретившиеся усваивали друг у друга, как орудия производства, так и культуру, в том числе и язык. Следовательно, сами условия жизни исключали причины зарождения какой-либо племенной нетерпимости, а способствовали лишь их сближению.

Марийский народ живет при следующих больших реках: Волга — по-марийски Юл, Ветлуга — Вӱтла, Вятка — Виче, Кама — Шем Виче, Белая — Ош Виче. К собственному названию каждой реки прибавляется слово вӱд — вода, или слово эҥер — река, ручей. Главные притоки реки Вятки, которые текут по территории Марийской АССР на север: Уржумка — Вӱрзюм, Буй — Буй, Вой, Руй — Руй, Пижма — Пижме. Притоки реки Пижмы — Немда — Немде; правый приток Немды — Ляж — Лаж, р. Оно; приток Ляжа — р. Шабе, левый приток Немды — Шукшан — Шӱкшан, Курва — Курво. Кроме этого, по бывш. Яранскому уезду течет приток Вятки — Пижанка — Пижанке, по быв. Котельническому уезду течет Кокшарка — Кокшер, на устье которой находился древне-марийский город Кокшар. Новгородские выходцы, завоевав город Кокшар, переименовали в Котельнич, а название реки осталось то же самое.

Главнейшими притоками реки Волги являются: река Илеть, по-марийски Элнет. Эта река пользуется у мари особенной любовью, воспевается народом в своих песнях. Вот первое четверостишье из одной известной песни:

Элнет вӱдет — ший окает,
Колжо модеш гын веле келшалеш.
Элнет пӱнчет — сорта рӱдет,
Уржо модеш гын, веле келшалеш.

Перевод.

Река Илеть — серебрянный позумент,
Если рыба играет — тогда хороша.
Илетьская сосна — как фитиль у свечи,
Если белка играет — тогда хороша.

Приток р. Илеть называется Юшут — Ӱшӱт и р. Унжа. Почти в одном и том же месте впадают в Волгу две марий-

ские реки: малая и большая Кокшага — на марийском языке — Изи Какшан, Кугу Какшан. Притоки М. Кокшаги: Малая Кундыш — Изи Кундыш, р. Ошла, р. Орша, Шуйка. У Б. Кокшаги имеется приток Б. Кундыш. Затем идут два притока Волги: р. Рутка и Ветлуга. С правой стороны впадают в р. Волгу две реки: Юнга и Сура, на берегах которых живут горные марийцы .

Мы перечислили нынешние названия рек Марийской АССР с тем, чтобы показать, как эти же названия повторяются вверх по течению Волги до самой Костромы. Эти повторяющиеся марийские названия как раз приходятся на ту территорию по обеим сторонам Волги, на которой обозначены марийцы на карте племен «Повести временных лет»[1]. Перечислим их с указанием значения на марийском языке. Первой судоходной рекой на левом берегу Волги, где и ныне живут марийцы, является упомянутая нами река Ветлуга — Вытла, ветла-уа. Слово «ветла» означает дерево, похожее на иву, но большего размера, которое растет в изобилии на берегу этой реки. Само название дерева вытла — (арама) буквально означает около воды, как вода, а слово уа — беспорядочно, густорастущая чаща. В самом деле берега реки Ветлуги сплошь заросли ветлой, которая свешивается над рекой, создавая тень и чудесный вид. Этим красивым зеленым обрамлением реки любовался писатель В. Короленко и свои впечатления изложил в повести «В пустынных местах»[2].

Существуют различные народные предания о происхождении названия реки и города Ветлуги. Д. А. Марков в своей работе «К истории города Ветлуги» рассказывает, что, якобы, город Ветлуга построен на том месте, где утонула девушка по имени Луга. Она бросилась со своим любимым пастухом в реку под большую ветлу, чтобы не попасться татарскому мурзе и от названий ветлы и луги получилась Ветлуга. Подобное объяснение происхождения названия города вместе с автором статьи считаем маловероятным, ибо город назван гораздо позже, чем река. Город Ветлуга начал свое существование с 1778 года. О названии же реки Марков говорит следующее:

«По свидетельству знатока ветлужского края Д. П. Дементьева, нынешняя река Ветлуга называлась Энгер. Когда освободившаяся из плена Хлыновского князя жена Коджи утонула в реке Энгер, с того времени река названа Ветлугой от черемисских слов: вет — женщина и ее имени Луги.[3]

[1] Карта помещена в книге П. Третьякова — Восточно-славянские племена. Акад. Нак. СССР. М.—Л, 1948 г., стр. 119.

[2] В. Короленко. В пустынных местах (из поездки по Ветлуге и Керженцу), Москва, 1918 г.

[3] Д. А. Марков. К истории города Ветлуги. Ветлужский край. (Изд. Ветлужского научн. общества по изучению местного края). Ветлуга, 1922, стр. 78.

Вышеупомянутый знаток Ветлужского края говорит, что в 1468 году черемисские крепости или города Ветля — Шапкан, Ветля — Юр (при устье реки Юревки, где ныне Ветлуга) были отобраны галичанами.[1] Касательно слова энгер нужно сказать, что это слово равнозначно русскому слову река или ручей. Сейчас, когда все реки имеют свое наименование, слово энгер употребляется только для обозначения маленьких речушек и ключей, а раньше, действительно, оно могло означать название большой реки. Данные же исследователя Дементьева лишний раз подтверждают нашу гипотезу, и в свою очередь свидетельствуют, что еще в XV веке весь ветлужский край был заселен марийцами. Все малые и большие притоки этой реки имеют марийские названия. Мы перечислили их в тех начертаниях, как представлены они в специальной работе В. А. Самарянова «Следы поселений мери, чуди, черемисов, еми и др. народов»[2].

Притоки Ветлуги с правой стороны: Лекома в переводе — вышедшая, Шайма — обманчивая, Пижма — вязкая или от слова пижаш — драться, зацепляться, пристать, прилипнуть. Например, этимологию вышеупомянутой реки с этим названием, которая течет в р. Вятку, марийские предания делают от слова драться, якобы, после одного боя эта река была запружена трупами; р. Пышуг и Федрос,— языческие имена; Шистома — вощаная или серебряная; Шолекше — выходящая (истекающая с бурлением, кипеньем); Воля — спускающаяся или от Вая — воротник; ее притоки: Тунбал — коренная, Туранка — крутая, Вавож — коренья чащи, коряги; Шуда — трава, травянистая, Ужгар — вероятно от слова «шӱгар» — могила, и может быть от слова ужар — зеленый; Лопшанга — жук, Шада — злая; Курдом — смысел не ясен.

Притоки Ветлуги с левой стороны: Суртюг — от слова сурт — дом, жилище, Варваш, Корюга — марийские корни этих слов установить трудно, В. Шанга — от слова шанге — недавно, опоздавшая, или от санга — лоб, крутая, покатая; Изма — маленькая, Б. Якшанга — тоже от слова санга — лоб; Нея — усталая, Садра — оспяная, Бол. Кокша и мал. Кокшар — мар. Какшан — можно вывести от слов кок шаге — два парника, стойки для стога, Кокша — фурункул; река М. Кокшар — сучковая жердь, ее притоки называются Шар — расширяет, т. е. расплывающаяся или голубая, Тулумбаха — от слов тул — огонь и ӱмбал — сверху, наверху; реки: Кумышевка — берестянная, Шижма — чувствительная, Уста — мастеровая, с притоками Мукшура — пчела, трутень, Вая — Воротник, отво-

[1] Д. П. Дементьев. Краткие исторические сведения о Каширской пустыне, стр. 4.

[2] В. А. Самарянов. См. Древности. Труды Московского Археолог. Общества. Изд. под ред. В. Е. Румянцева, т. 6, вып. 1. Москва стр. 65—67.

рот, Арья — жалующая, Темта — давящая, Марква — марийка, ее притоки: Шуя — протягивающая, Шадра — оспа, Ижма — вязкая.

Выше реки Ветлуги идут следующие притоки Волги: Керженец — от слова кӧрж — серьги; Узола — новая деревня, Шмиля — смысл не ясен, Ширмокша — не соленая печенка или от мордовского племени Мокша, Моча — баня, Лойма — от слова лойга — качается, качающаяся.

Река Унжа имеет следующие притоки с марийскими названиями: Вига — прямая, Понго — гриб, Яхна или Янга — от Якте — прямой или Яча — сырая, мокрая. У реки Нея имеются притоки Монжа — баня и Немдохта — маленькая река Немда; затем притоки Унжи: Нельша — глотающая, затем идет опять р. Монжа — баня, Кондома — привезенная, т. е. по которой привезли чего-то; Кочуга — горькая. Притоки Унжи с левой стороны: Петенга — кончающая или конченая, Пуминка — дровяная, Шуршма — от удмуртского слова Шур — река, от марийского Ошма — песок, песчаная река. Шомохша — от шоло-мокш — кишки и печенки.

Поднимаясь выше от Волги, встречаем другую реку с повторяющимся названием Немда. У реки Немды встречаются те же уже знакомые нам притоки: Шача, Талица, Шуя. У реки Шуи имеются свои притоки с марийскими названиями: Пасма — переход (перекладина) через речку, Песта — забор, «преграда».

Выше за рекой Немдой сразу встречается река с марийским названием Елнать — желтоватая.

Как видно, костромичи оставили чисто марийское произношение Елнать — Элнет, тогда как на современной карте Марийской АССР это название пишется по-русски — Илеть. Затем, поднимаясь по Волге еще выше к Костроме, мы встречаем реки: Мера — меря, мари, Кистега или Пистега — липовая, Локма — изгибистая или от Колма — Кол — рыба, колаш — умирать, Стежора — название не марийское, Покша — или от покшел — серединная или от Покшым — заморозки, замораживающая, и, наконец, приходим к реке Кострома, на устье которой стоит древний губернский город Кострома.

Название Кострома С. К. Кузнецов[1] выводит из марийского слова куштра, коштра — на ветру, подветренный. Действительно, в марийском языке имеются, например, такие выражения: «кид коштырген», «тӱрвӧ коштырген» — руки потрескались, губы потрескались от ветра, вернее обветрились, но ветер на современном марийском языке называется только мардеж. Кузнецову, видимо, было неизвестно другое марийское слово коштра, костра (уржумский говор) — сорняк, мусор, валяющаяся солома. Отсюда коштра шудо — сорная трава, коштран вӱд — сорная нечистая вода, олым коштра — соломенный мусор.

[1] С. К. Кузнецов. Русская историческая география, стр. 62.

Исследователь местного края И. Миловидов в своей работе «О Костроме в историко-археологическом отношении»[1] название города Костромы и самой реки выводит из обряда «похороны Костромы», который разыгрывался в первое воскресенье после Петрова дня. Этот обряд проводился не только в Костромской, но и в других губерниях. Кострому изображала кукла из соломы, которую несли с песнями на берег реки, там инсценировали бой за овладение ею, затем топтали ногами, срывали с нее платье и кидали в реку. На основании этого обряда, связанного с соломой и рекой, автор заключает, что это имя Кострома славянское, происходит от имени языческого божества весны, Весняка. Но тот же автор, немного выше своего заключения говорит, «что кукла эта приготовлялась не только из соломы, но также из сорных трав и прутьев, и что именно потому она получила название Костромы. В областных говорах слово Кострома означает прут, розгу и растущие во ржи сорные травы»[2]. Как видно, и на русском языке у костромичей слово Кострома имеет то же самое значение, что и на марийском языке.

Чем объяснить это сходство в этимологии данного термина?

Начало объяснения этого поразительного сходства мы находим в выводах самого автора исследования. «Итак,— заключает Миловидов,— о начале Костромы приходим к следующему выводу: первоначально был основан городок на месте нынешнего Городища на правом берегу Волги в пору начавшегося слияния мерян со славянами; он имел население уже смешанное из мерян и славян, и получил название от имени божества весны у языческих славян — Костромы».[3] Это было, по мнению автора, во II-й половине IX века. Мы вполне согласны с автором в том, что в это время началось слияние меря с русскими племенами, которые шли туда с западной стороны, но к этому надо сделать существенную поправку, что в это время до этих мест простирались пределы жительства западной части предков марийского племени, и этот городок на правой стороне Волги мог быть со смешанным населением. Однако очень трудно поверить автору, что термин Кострома сначала был именем языческого божества, ибо тогда оно должно было называться не божеством весны, а божеством мусора, сорной травы, розги и т. д. Вероятнее всего, дело можно было бы представить так, что название реки Кострома

[1] И. Миловидов. См. Труды VII археологического съезда в Ярославле, 1887 г., том 1, Москва, 1896, стр. 59.
[2] И. Миловидов. Цит. раб., стр. 60.
[3] Там же, стр. 62.

в то время было понятно и русскому поселенцу и марийцу. И поскольку слово костра, коштра имеет одинаковое название у тех и других, трудно представить себе, кто из них дал это название, а от названия реки, как бывает обычно, получил свое имя и городок. Впрочем, многие притоки реки Костромы имеют марийские названия, о которых не мог не упомянуть даже А. Соболевский, так яро выступивший в «Живой Старине» с возражением Н. Ю. Зографу, который на антропологических данных устанавливал финское влияние на великорусское племя. «Такое же обилие финских названий мы видим по реке Костроме Костромской губернии: Нукша, Шунга, Пестенга, Колгора, Сандогора»[1],— говорит Соболевский. Мы можем допустить, что все значение, которое обнимало собой слово коштра (впрочем сюда же относится марийское слово воштыр — «прут») было усвоено мирными русскими поселянами — язычниками. Затем, когда с наступлением христианства марийская часть населения удалилась на Восток, а часть из них, конечно, обрусела на месте, а старый городок был уничтожен, а новый переведен на левый берег, который также впоследствии дважды подвергался уничтожению огнем, первый раз Ростовским князем Константином[2] и второй раз татаро-монголами, то в среде этнически нового населения города Костромы, т. е. в среде великорусского христианского, к древнему языческому обряду похорон Ярилы была присовокуплена еще Кострома. В сущности та борьба за овладение куклой Костромой, которая устраивалась на берегу между разделившимися группами людей, участвующими в обряде и то, что эту куклу топтали, били и бросали в реку, должны свидетельствовать не о борьбе народа с весной, а о победе христианства над язычеством. Это есть обряд похорон язычества, и сама кукла Кострома сначала символизировала, вероятно, удалившихся язычников мари-черемис, с которыми увязывалось и принятие о минувшем языческом периоде жизни самих местных жителей-христиан. Об этом периоде и об удалившемся языческом племени напоминало само название реки и города. Поэтому кукла Кострома начинялась соломой, прутьями, всяким мусором, т. е. тем, что входило в понятие самого древнего марийско-русского слова кострома. Следовательно, этот обряд имеет довольно позднее происхождение. Он мог появиться в великом

[1] А. Соболевский. К вопросу о финском влиянии на великорусское племя. Живая Старина, изд. Отделения Этнографии Имп. Русск. Геогр. Общ. вып. 1, изд. III, СПБ, 1893, стр. 121.

[2] О Костроме в первый раз упоминается в списках летописей Воскресенской и Тверской, под 1213 г., при рассказе об усобице между сыновьями великого князя Всеволода III-го, Константином Ростовским и Юрием Владимиро-Суздальским, когда Кострома была сожжена Константином, и жители её были отведены в плен в Ростов. См. об этом в вышеуказанном исследовании Миловидова, стр. 55.

русском народе только тогда, когда кончился период двоеверия и представления об язычестве, как поганом, из среды книжников проникло в народ, и «новая вера»,— как говорит А. Н. Потанин,— становилась все более народным достоянием».[1]

Таким образом, устанавливается, что значительная часть географических названий (рек, озер, древних городов) левого берега реки Волги от Казани до Костромы вполне объясняются посредством марийского языка и могут быть взяты в качестве свидетельства, доказывающего нам древнее местожительство марийского племени и пути его движения с запада на восток. Этот перевод вполне согласуется с древними летописными, археологическими и антропологическими данными. Вышеприведенный анализ топонимики Костромской губернии и самого названия города исторически подтверждает наше утверждение, что дославянские жители древней Костромы являлись не загадочными мерянами, а марийскими мерянами, или, мягко выражаясь, все это свидетельствует о полной этнической и языковой однородности меря и мари. Во всяком случае, если некоторые марийские названия звучат одинаково и на русском языке, если они понятны тем и другим, то такое взаимное обогащение языков могло произойти в ту же мерянскую эпоху.

К такому же решению подводят хорографические материалы правобережья Волги. Так, например, можно указать на некоторые названия следующих рек: Кекса — кек — по-горномарийски птица, шага — горно-марийское расти, Кинешма — конопляное семя или река, где мочили коноплю,[2] Решемка — от ешем — моя семья, род, Елнать — то же название реки Элнет, которая ныне течет по Марийской АССР, и означает мой край, моя страна. Других названий касаться не будем, ибо они представлены и удовлетворительно разъяснены в работах Т. Семенова, С. Кузнецова, В. Самарянова. Например, Т. Семенов представил VII Археологическому съезду целый список, куда входят 123 хорографических названий, встречающихся в Ярославской губернии, 104 — в Костромской, 87—в Владимирской, 59 — в Нижегородской, 20 — в Московской и 13 — в Вологодской, при этом тут же представлены сходные с этими марийские названия Вятской, Казанской и Уфимской губерний. Надо сказать, что все эти хорографические названия указанных губерний объясняют не только этническую

[1] А. Н. Потанин. История русской литературы. Том 1, СПБ, 1898, стр. 91.

[2] С. К. Кузнецов в своей русской исторической географии это название Кинешма выводит из марийских слов кӱ — камень, нӧшмӧ — зерно — каменное зерно. Стр. 63. Того же мнения и Т. Семенов. См. его работу «К вопросу о родстве и связи меря с черемисами». Труды VII, Арх. Съезда, Москва, 1891.

близость мари к меря, но и общность и одинаковость материального производства и культуры древнего мерянского и предков марийского племени. Так, мы можем говорить об окружающем меря растительном, животном мире, об орудиях земледелия, охоты, рыболовства, пчеловодства, о медицине и пр. пр. Безусловно, все это необходимо подвергнуть детальному историко-этнографическому анализу и сопоставить эти данные с этнографией современных мари, мордвы, чуваш, удмуртов и т. д., но для этого нужны и интересующиеся люди, которых у нас пока мало.

Проблема родства мари и меря имеет большое историческое значение. При правильном научном освещении эта проблема приобретает сугубо-политическое значение, ибо она должна подорвать корни империалистической теории финской буржуазии о великой Финляндии до Урала. С другой стороны, с установлением наличия этнической общности в происхождении народов в центре России мы подводим прочную базу объяснению нерушимой дружбы народов нашей страны, которая прочно сложилась и окрепла под руководством великой партии Ленина — Сталина. С этой точки зрения вся деятельность русских ученых в этом направлении должна быть признана очень полезной.

История изучения мерянских, марийских и русских отношений начинается еще с прошлого века. После VI-го Археологического съезда данной проблемой были заинтересованы многие крупные ученые. В городе Казани даже был создан кружок при Казанском Археологическом обществе, куда входили такие ученые, как Н. И. Золотницкий, С. М. Шпилевский, В. К. Магницкий, Н. А. Износков и С. К. Кузнецов. В результате шестилетнего упорного труда в этом направлении С. К. Кузнецов выпустил целую книгу под названием «Русская историческая география». Работая непосредственно над анализом хорографических названий мерянской земли, Кузнецов не был еще тогда уверен в положительном исходе своих трудов. Он подал специальный вопрос VII-му Археологическому съезду: «Возможно ли объяснение названия населенных мест Ярославской губернии из корней черемисского языка?» С ответом от имени съезда выступил И. А. Износков, который в конце своего обстоятельного доклада заявил: «...просматривая список, составленный г. Семеновым, нельзя не заметить, что многие инородческие и, может быть, мерянские названия удовлетворительно объясняются при посредстве черемисского языка»[1]. С момента данного заявления ученого прошло 60 с лишним лет. За это время исторические науки сделали большой скачок вперед, но проблема русско-мерянских и марийско-русских историко-культурных отношений не получила соответствующего развития. Наши историки, занимающиеся проблемой происхождения великоруссов и древнерусского государства больше всего говорят об отношениях Руси с финнами, тогда как реально в трансформации великоруссов нашей родины сыграли свою роль не собственно финны, а так называемые финские племена — конкретно мари, мордва, карелы, удмурты, коми и тюрко-язычные племена: чуваши, татары и т. д. С такими важнейшими историческими фактами нельзя не считаться советскому историку.

[1] И. А. Износков. О хорографических мерянских и черемисских названиях. Труды VII Археологического Съезда в Ярославле 1887 г., том II, Москва, 1891. стр. 225.

II. Древнемарийские исторические памятники периода Болгарии.

Для выяснения общественного положения марийского племени в болгарский период жизни, интересно представить себе какое участие принимало оно в городской жизни—в центрах межплеменной торговли и культуры. Видя, что марийский народ в дальнейшем отстал в своем культурно-экономическом развитии, буржуазные историки и археологи с большой осторожностью причисляли к памятникам марийской старины только небольшие городища на берегу реки Вятки и ее притоков, а так называемым городам болгарским, якобы, мариец не имел никакого отношения. Такое недоразумение исходило, вероятно, из того неверного представления о том, что, мол, болгары были культурным народом, а марийцы — некультурным, поэтому они не могли принимать участия в строительстве городов Болгарии. Кроме того, ввиду своего промежуточного географического положения, марийское племя являлось связующим звеном между русскими племенами и Болгарией. Следовательно, это племя по всему своему положению должно было сыграть немаловажную роль, что не могло не отразиться на его собственном культурно-экономическом развитии.

Лингвистические, этнографические, археологические и фольклорные материалы свидетельствуют, что у марийского племени в болгарский период были свои князья и свои города. К марийским городкам того времени можно отнести: Чалым, Пинчен, Карманчук, даже Ошел. Город Ошел сожжен, по данным Воскресенской летописи, в 1220 году братом великого князя Юрия Всеволодовича Святославом. Другие русские летописцы этот город называют по разному: Авля, Ошлява, Ашля; он находился в 8 км ниже устья Камы. Конечно, трудно сейчас говорить о том, что этот город был резиденцией какого-либо марийского князя, но по названию города можно утверждать, что в основании его марийцы могли принять активное участие. Ош-эл по-марийски значит сторона (или страна, местность белых людей). Мы знаем из предыдущей истории, что марийцы уже в то время называли себя ош мари — белый

мариец, что соответсвует чи мари — истинный (языческий) мариец. Поэтому звучит большой натянутостью, когда Н. Ф. Калинин старается название Ошел вывести из племенного названия Эсегель.

О марийском городе Пинчен имеется только одно фольклорное свидетельство. Житель Чебоксарского уезда Арзамасов М. П. в конце прошлого столетия записал чувашское предание о завоевании болгар татарами, которое начинается так: «Разноплеменные народы, находившиеся под управлением болгарского князя, жили мирно и вели торговлю с соседними народами. Кроме Казани у них были и другие города; у черемисов был свой город Пинчен...»[1] О каком городе повествует чувашское предание, неизвестно, а, может быть, о городе Челым? Но этот город, вероятно, находился именно на берегу Волги.

Город Челым — Чалым (по лугово-марийски чылым означает: курительная трубка), по преданиям горных марийцев, находился на высокой Сундырской горе. О данном городе и о Сундырской горе чувашин Спиридон Михайлов поместил две статьи в Казанских губернскихВедомостях за 1852 год[2]. Кроме того, шесть лет спустя в 1858 году он же опубликовал исследовательскую статью «Очерк расселения русского племени в Козьмодемьянском уезде»,[3] в котором использует дополнительные материалы из рассказов марийцев. В первой статье Михайлов пишет: «Сундырская гора с древними укреплениями никакого особенного названия у черемис не имеет. При всех стараниях я не мог добиться от черемис, как назывался у них этот город; они утверждают только, что был тут город. Рассказывают они, что в оной горе хранится несметная заколдованная казна — сорок бочек золота». В другой статье автор приводит ряд дополнительных данных о том, что старожилы на данной горе и в окрестностях ее находят ядра, пули и серебряные монеты. И только в своем очерке Михайлов приходит к заключению, что этот город назывался Чалым, и фактически и, по преданиям марийцев, он сожжен русскими. Название города по-Михайлову происходит от собственного марийского имени Чалым. И околоток Чалымкин, который расположен у горы, по рассказам марийцев, получил свое название от имени пятидесятника Чалыма.

Другое объяснение названию города Чалым представляет Н. И. Золотницкий в своем чувашском словаре. Название Чалым он выводит из чувашского слова «сьолым» и марийского «салым» — племя, якобы, этот город на горе был сторожевым постом, откуда сигнализировали огнем в города, расположенные ниже по Волге. С сундырской горы в ясную погоду виден город Чебоксары, который находится ниже на 50 верст. «Место это называлось Челымским Городком,— пишет Золотницкий,— а слово челмы есть, очевидно, чувашское сьолым, горно-черемисское салым — «племя». Место это у здешних черемис доселе известно под именем «салым городок» и, по их толкованию, название его перешло на ближнюю деревню Салымкину».[1]

Язык и фольклор народа, не имеющего своей письменности, является очень важным историческим документом. В этом мы убеждаемся все больше и больше. Взять, например, эту деревню Салыманку, как она теперь называется по-русски. Ведь она нам сохранила название древнего марийского городка, который известен в русских источниках под названием Чалым или Челим. А известная горномарийская лирическая песня: «Салым сола покшелнет лаштра тумет шога» — «Посреди деревни Салым стоит развесистый дуб» не только сохранит еще на долгие годы название этой деревни, но она, распространившись среди луговых мари, сделала общеизвестной среди всех марийцев существование этой деревни под названием Салым. Уже сейчас луговые марийцы, распевая песню о Салым сола, даже подумать не могут, что они этим названием Салым понимают древнемарийский городок на берегу Волги.

Еще больше мы убеждаемся в важности указанных источников, когда подойдем к деревне Карманер, которая расположалась на Востоке в 5 километрах выше города Козьмодемьянска. И невольно, стоя на месте этого древнемарийского городища, на высоком берегу Волги, хочется перекинуть мост прямо через марийские леса на берег Вятки к г. Мамадышу, к древнему городу Кармanчук. При этом, вполне надежной сваей, поддерживающей мост в самой середине, была бы высокая гора, древнемарийская крепость Карман Курык в Моркинском районе Марийской АССР. Этот большой мост — Карманер — Карман курык — Карманчук при всестороннем беспристрастном анализе явится действительно историческим мостом, который раскроет перед нами загадки целой эпохи в истории мари. Этот же анализ покажет нам почему Чебоксары называются у чуваш и мари Шупашкар, Нижний Новгород — У Карман, почему древние марийские городки на берегах реки Вятки назывались Кокшар,—г. Котельнич, Кукарка—г. Советск и т. д. И, наконец, почему марийский жрец, если можно его так именовать, называется карт. Вероятно, мы здесь

[1] М. П. Арзамасов. Несколько преданий чувашей и татар Чебоксарского уезда Казанской губ. (Статья доставлена В. К. Магницким и И. А. Износковым). Изв. ОАИЭ т. III, Казань, 1884, стр. 286.

[2] См. Михайлов. «Сундырская гора». Казанские Губерн. Ведом. 1852, № 30 и другая статья «Еще о Сундырской горе» № 52.

[3] Он же. Указанная работа. Казанские Губернские Ведомости 1858 г. № 26.

[1] Н. И. Золотницкий. Коренной чувашско-русский словарь. Казань 1875 г., стр. 267—269.

имеем целую карскую или кармакскую эпоху, которая своими определяющими признаками развилась у мари в болгарский период его истории и уже с падением Казанского царства и переходом марийцев в подданство русского государства от нее остались только одни воспоминания, продолжающие жить в многочисленных устных преданиях. Древние термины (названия) городов, курганов, городищ, деревень, рек, гор и т. д., закрепленные в устном предании, надолго пережили те общественные институты и вещественные памятники, которые они обозначали в прошлом.

Все названия на древней и на современной марийской территории, которые сохранили в корне слова и сочетания ар, кар, мар, нар, мор, являются в основном марийскими, а некоторые из них одновременно и удмуртскими — комийскими и частично чувашскими. У удмуртов термин кар означает шалаш, гнездо (птичье), город. На татарском языке удмурты называются ар. Видимо, на этом основании археолог А. Спицын территорию, занятую удмуртами, иногда называет арской землей.[1] Многие древние удмуртские городища называются карами: Сабанчи-Кар, Инта-Кар, Учка-Кар, Донды-Кар, Сеныч-Кар, Кудым-Кар и несколько Пор-Каров. Последнее название, как нам уже известно, в переводе на русский язык будет: Пор-мари, кар — городок, т. е. «Марийский городок», что прямо указывает на древнее жилище марийцев. Остальные же названия древних городищ удмуртов составлены из личного имени основателя данного жилища плюс слово кар — «шалаш», «жилье», «городище».[2] Последний термин кар на современном языке народа коми также означает город, отсюда происходит название города Сыктывкар. У южных соседей марийцев, чувашей, термин ар означает человек. Кроме того, нами выше подмечалось, что само племенное название татар включает термин ар — человек. А что такое болгар или булгар? Если подходить со стороны обозначения этим термином города, то булгар можно разложить на две части: «бул и гар (кар), тогда мы получим полное первоначальное значение: Волжский город. Река Волга по-марийски называется Юл (Йул). Если же к термину булгар подойдем как к этническому, то оно будет означать «Волжские люди». Совершенно тождественно с названием Булгар по значению и по звуковому составу название другого города Бюлар, именуемый, по мнению ряда исследователей, Великим городом Болгарии.

Если в слове кар удмуртский язык прочно удержал значение шалаш, гнездо, городище, город, то марийский язык сумел сохранить еще более древнее значение его. Наидревнейшее значение термина кар — это «гора», затем только по мере изменения характера жизни племен это название переходит и на укрепленный пункт, городище, крепость. Хотя в современном марийском языке имеется уже другой термин для обозначения горы — это слово «курык», но язык сохранил и древнюю форму этого термина в словах арка — гора. Например, в старинных песнях восточных марийцев гора обозначается только словом «арка». Имеется у луговых марийцев термин карш — тоже гора, отсюда «каршым кӱзаш» подниматься в гору. Наконец, это слово с понятием горы и возвышенности осталось в термине вакш арка — это жолоб, куда искусственно поднимают воду, которая затем с высоты падает на лопасти мельничного колеса, заставляя его вертеться. Слово кар в марийском языке получило также и значение крутой, крепкий. Это видно в термине кар шӱртӧ — крепко скрученная нитка, кар почкынчаш — крепко накручивать. Имеется еще и другой оттенок слова кар, именно вздуться, карнаш. Отсюда выражения мӱшкыр карнен — вздулся и стал крепким живот, т. е. стал большим и крепким как гора.

Эти вышеприведенные данные показывают нам развитие самого языка. Из одного древнего термина гора, которое связывалось и с понятиями крепости, обороны, жилища, городища и т. д., возникло множество новых технических производственных терминов. Можно указать еще на один, еще более показательный пример, когда название местности переносится не только на обозначение предметов и продуктов труда человека, или нового процесса производительной деятельности человека, но и на само название этого человека, который руководил какой-либо важной стороной деятельности коллектива людей. Я имею в виду термин карт. Карт — это марийский языческий жрец, который руководил при жертвоприношениях. Термин карт имеет такую же древность, какую имеют сами древнемарийские городища, которые мы относим к болгарскому периоду. И вполне вероятно, что этот термин входит в обиход марийской речи тогда, когда сложилось само марийское племя. Многие исследователи (Спицын, Вараксина, Износков, Кротов, Кузнецов и др.) очень робко говорят, что многие костеносные городища на берегах Вятки, Камы, Волги и других небольших рек, кроме оборонительного, военного или просто житейского значения, имели еще и религиозное значение, являлись местом жертвоприношений. Марийский же материал не дает никакого повода сомневаться в этом, именно эти, так называемые, костеносные городища были местом жертвоприношений. Организация подобных городищ совпадает у мари со временем его перехода к оседлому образу жизни. В этот период вырабатываются у марийцев более определенные понятия о своем марийском племенном божестве Кугу

[1] А. Спицын. Вещественные памятники древнейших обитателей Вятского края. Вятка, 1889 г.

[2] А. П. Смирнов. Донды-Карское городище. Труды Вятского Научного Общества, вып. IV, Ижевск. 1928. Причем все эти Донды, Итна, Учка и т. д. рисуются в Удмуртском фольклоре богатырями.

арка кугыза — Старик (или дедушка) большой горы, именуемый вкратце Кугарка или Кугурак.

Летом 1929 года мною было записано очень стройное предание о происхождении Кугурака, который в этом рассказе назывался Чымбылатом. Чымбылат был простым марийским мальчиком, когда его родители кочевали с места на место, он отстал от них и случайно попал на воспитание к русскому кузнецу. Тот его воспитал и научил кузнечному делу и, подарив ему несколько железных орудий земледельческого производства (лопату, мотыгу, вилы) и кузнечные орудия, отпустил на все четыре стороны. Чымбылат нашел своих родителей и на высоком берегу реки Вятки, на месте слободы Кукарки, устроил себе жилище, и стал сам ковать орудия. Эти орудия он раздавал марийцам, которые в благодарность за это давали ему разную скотину или шкуры зверей. Материальное положение марийцев стало улучшаться, ибо они стали обрабатывать землю железными орудиями. Наконец Чымбылат состарился и умер. Но марийцы знали, что он был мудр, что его кузнечное дело улучшило им жизнь, поэтому после его смерти они стали приносить ему жертвы, прося у него помощи в жизни. Так он из Чымбылата превратился в большого горного старика, в языческого бога Кугурак — большая гора.[1] И здесь название горы перешло на личность. Эта личность — общеплеменной бог марийцев Кугурак, которого называют Кереметом. Есть ли тут связь с марийским названием карт? Да, есть и вполне определенная и обусловленная. Карт — это служитель Кугураку. Как само имя этого племенного божка марийцев составлено фактически и по существу из названия большая гора, так и человек, разговаривающий с ним, преподносящий ему благодарственную жертву, называется тем же именем гора, но только не большая, а гора обыкновенная; окончание слова на «т» указывает, что это жрец мужчина. Больше того, не только божество и жрец его называются одним именем, но даже жертвенное животное носит то же название карта. В современном марийском языке это слово картá (с ударением на последнем слоге) употребляется, когда говорится о старой лошади или вообще о скотине, которую необходимо зарезать уже по старости. Первоначальное значение слова картá было вполне ясно для мари, ибо животное для принесния в жертву Кугураку назначал всегда сам карт.

Все эти подробности со словами ар и кар поясняют нам то положение, что именно во времена болгарского царства, примерно до XIII века, марийское племя начало создавать уже

[1] Это предание было написано мною в 1929 г. во время первой моей этнографической экспедиции в Сернурском р-не Мар. АССР от крестьянина д. Чашкаял Ивана Кузьмича. Предание было очень длинное, составляло целую тетрадь, но, к великому сожалению, эта тетрадь потерялась в 1933 г., а сказитель умер.

свою племенную культуру, обогащать свой язык, упорядочивать свои верования. Все это, конечно, было на очень низком уровне цивилизации, но выявилась уже своя определяющая специфическая черта культуры, которая развивалась и обогащалась до наших дней. Язык, соответствующий тогдашнему низкому уровню производственной деятельности марийца, был так беден, что по некоторым фондовым словам того периода мы можем восстановить даже его специфические особенности общественного быта и положение марийца. Зная основной словарный фонд древнемарийского языка, в которых сейчас сохранились слова в названиях урочищ, городищ, селений, рек и, зная, что часть из них перешла в состав других производных слов, мы можем восстановить движение марийского племени с юго-запада на северо-восток. Мы знаем теперь, что марийские племена, двигаясь на восток и север, повторяли те же названия, которые они оставляли позади себя. Вот некоторые местные названия из той территории, где проживали марийцы еще в X — XIV веках и которые соответствуют названиям известных древнемарийских городищ: в быв. Ядринском уезде имеется 2 чувашских селения под названием Карман Касы; в быв. Котельническом уезде Вятской губернии проф. И. Н. Смирнов находит более 60 марийских названий, среди них Арза-макша и много названий с окончанием на Морко;[1] в Костромской губернии трижды встречается название Кокшарово: в Варанавинском уезде Кукшар, в Галицком — Кокшарово, в Буйском уезде тоже Кошкарово. В бывшей Казанской губернии, где сейчас живут чуваши, все марийские названия имеют окончание на ар, онар, мар, например, Кутар, Оженар, Пуранар, Кукар, Орнар, Урмар, Почонар и т. д.; в Ядринском уезде мы имеем те же названия: Чигонар, Тошкар, Куганар, Пармар, Ирарак и, наконец, встречаем реку, которая именуется точно также, как слобода на Вятке — Кукарка.

Перед нами проходит целая и очень знаменательная Арско-Карско, Були или Юл-карская эпоха в жизни народов Среднего Поволжья. В эту эпоху выкристаллизовываются из Суваров — водяных или волжских людей чуваши, тут же из разных племенных групп консолидируются тат-ары в переводе — отцы-люди; причем, татарское племя к слову ар — человек присовокупило слово тата — отцы, вероятно, потому, что они в Болгарском царстве составляли основное ядро принявших ислам и занимали впоследствии руководящее положение в нем, которое они сохранили среди других поволжских племен вплоть до 1552 года. Чуваши же, отколовшись окончательно от болгарско-исламско-татарской культуры и, ставши еще более усердными язычниками, отрицая арское прошлое, вернее,

[1] И. Н. Смирнов. Черемисы. Известия ОАИЭ т. III, стр. 175.

болгарский период своего развития, отбросили от своего племенного названия ар и название из сувар превратилось в чувашей. Чуваши, оторвавшись от арской или болгарской культуры, конечно, многое восприняли от нее и в новых исторических условиях складываются, как новое племенное образование. Термин ар переходит как бы в область прошлого, который отрицается новым; отсюда появляется и леший с названием Ар Сюри, в которого, по чувашским легендам, может превратиться любой младенец, умерший, не коснувшись груди своей матери. Удмурты и марийцы к этому времени уже имели свои племенные названия, в основе которых лежало то же название человек. Поэтому, хотя татары еще долгое время продолжали называть их арами, удмурты-язычники не приняли его. У марийцев положение с племенным названием было еще определеннее. Поэтому они, не только приняли какое-либо другое племенное название, наоборот, сами накладывали на памятники болгарского периода свою племенную тамгу. Влияние культуры русских племен в мерянский и в последующий болгарский период оказалось сильнее для мари и удмуртов, чем новая складывающаяся мусульманская культура татар.

Посмотрим теперь, о чем говорят нам древние памятники болгарской эпохи Карманер — Карман Курык — Карманчук. Прежде всего эти названия обозначают древнемарийские городища, общественные места и укрепленные пункты; они состоят из основного термина Карман с прибавкой Курык — гора. Слово кар мы уже знаем, оно означало первоначально гору, возвышенность, затем оно конкретизировалось и приняло другое значение — шалаш, городище, укрепление, крепость, и, наконец, у коми и удмуртов стало обозначать даже современный город. Чуваши тоже воспользовались этим словом, они создали свой город на горах и назвали его Чувашкар или Сувашкар — Шупашкар, по-русски — Чебоксар. Марийцы в указанных названиях своих городищ эту работу проделали еще раньше; они к названию кар прибавили свое собственное племенное название мари. Но, поскольку по звуковым законам марийского языка и по самой технике речи произносить Карман было гораздо труднее, то «р» заменили на «н». И не только поэтому. Когда складывались эти собственные имена для разных по территории и значению мест общественной жизни, нужно было оформить их какими-либо отличиями. Для этого к одному Карману прибавлялось что-то новое, например, ер — озеро, или нер — буквально нос, мыс берега реки, к другому курык; к третьему чук и т. д. Такая оформительная работа в названиях древних городищ могла быть проведена только таким племенем, которое уже сознавало свое племенное единство, и его язык позволял закреплять свои племенные достижения на арене общественной жизни.

О древнем городище Карманер мы имеем толкования трех известных авторов: Износкова, Золотницкого и Шпилевского, причем, последний автор не высказывает своего собственного суждения, а лишь повторяет аргументацию первых двух авторов в разделе 7 «Укрепление близ деревни Карманер».[1] Деревня Карманер является околотком деревни Большие Шурмары, в 1 километре от села Пернянгаш (Пайгусово, оно же Христорождественское). Поскольку суждения Износкова и Золотницкого представляют большой интерес, я позволю себе привести их здесь. «Карманер» — по спискам числится околотком Алмановым,— говорит Износков,— название получил от находящейся вблизи возвышенности, имеющей вид мыса или носа (Карма — от слова кочкам, съедомый, нер — нос); на возвышенности этой, покрытой прежде лесом, была устроена кереметь, в которой делались жертвоприношения, состоящие в том, что черемисы, сходившиеся из разных деревень, приносили с собой кушанья и напитки и с особенными церемониями съедали их в этой кереметь.

На мысе заметны признаки насыпи, имеющие вид овала, внутри которого тоже насыпь, идущие параллельными рядами наподобие огородных гряд. К северной стороне этой местности примыкает еловая и березовая роща, называемая кереметью».[2] Сведения Износкова ценны тем, что он подметил о почитании этого места марийцами, но в объяснении слова Карманер он ошибается. Объяснение приставки нер довольно правдоподобно, ибо все марийцы до сих пор всякий выступ берега и горы называют нер — нос, например, Курык нер — нос горы.

Н. И. Золотницкий, знаток тюркских языков, объясняет это название по-своему: «Нет сомнения,— говорит он,— что слово карман (кярман — кирмень) заимствовано черемисами из тюркского языка, а что оно ими усвоено и означало «укрепление», то это подтверждается названием горно-черемисской деревни (Козьмод. у. Пернягашского прих.) Карманер, по местному черемисскому выговору Кярман — эр. Окончание ар, эр в названиях селений означает: земля, место, страна. Следовательно, в настоящем случае, Кярман — эр прямо значит укрепленное место».[3] Данное толкование автора вызывает относительное возражение. Золотницкий, автор чувашского

---

[1] С. М. Шпилевский. Древние города и другие булгаро-татарские памятники в Казанской губ. Казань 1877, стр. 542—544.

[2] Л. Износков. Горно-черемисские приходы Козьмодемьянского уезда. Труды Казанского Губерн. Статист. Комитета, вып. 1. Казань 1869, стр. 8. Описание древнего обряда на Карманере Износковым очень сильно напоминает ритуальный праздник Ага-пайрем — «праздик пашни» у луговых мари.

[3] Н. И. Золотницкий, см. указ. словарь, стр. 262.

словаря, является знатоком татарского языка, и ему всюду кажется, что марийцы заимствовали от татар все слова в своем языке. Тогда, когда марийское племя дало, или оформило название своих городищ карманами, тогда еще не было собственно татар с такой высокой культурой, чтобы они могли влиять на все стороны быта марийцев. Этот арско-карский, а для мари карманский культурно-исторический период прошел без особого активного вмешательства татар. Наоборот, сам татарский язык обогащался тогда за счет достижений разных во всех отношениях племен Поволжья, входивших в болгарское царство. Точно также трудно поверить Золотницкому, что окончания ар — эр означали тогда земля — мланде, место — вер, страна — эл. Вероятнее всего эта позднейшая приставка эр — нер прилеплена к слову со значением мыс, выступ; причем термином нер обозначается выступ и вертикальный и горизонтальный. Например, горбушка, отрезанная от каравая хлеба, по-марийски называется каван нер, в переводе вершина стога или кладуха снопов.

Не во всех отношениях убеждает нас следующее возражение Золотницкого против Износкова: «Не входя в разбор мнения достопочтенного автора, объясняющего происхождение названия Карманера, бывшего на возвышенности Кереметью, считаем достаточным сказать, что нет примера, чтобы на местах шаманских жертвоприношений устраивались, на какой бы то ни было предмет, насыпи. Между тем: 1) воинственный характер черемис, 2) сходство местоположения Карманерской возвышенности с местностью набережного укрепления, известного под именем «Челимский городок», 3) нахождение карманской местности в составе той земли, которая была пожалована Иваном Грозным в награду знаменитому Акпарсу, и наконец 4) тождество названия Карманера с названиями местностей того же характера — окончательно убеждают, что Карманером называлась собственно укрепленная возвышенность на мысу и что название это перешло в наследие образовавшемуся впоследствии вблизи оной селению».[1]

В чем не прав здесь Золотницкий? Во-первых в том, что у марийцев никогда не было шаманства.[2] Во-вторых, как мы уже установили выше и будем доказывать дальше, эти насыпи в древнемарийских городищах делались не потому, что там приносились языческие жертвы, а потому, что они были укрепленными пунктами против неприятеля, они были первыми в истории мари общественными местами, где кроме всех

[1] Н. И. Золотницкий. См. указанный словарь, стр. 263.

[2] Золотницкий даже опубликовал специальную статью с рассуждениями о каком-то несуществующем шаманстве у мари. См. «Невидимый мир по шаманским воззрениям черемис». Известия и Ученые записки Казанского Университета № 4, Казань 1877 г.

прочих общественных дел производились, вероятно, и жертвоприношения. Когда же эти городища исчезли, то, действительно, в этих местах марийцы стали устраивать особые святыни, которые в литературе называются кереметями. Карман — городище, Кугурак буквально большая гора и в то же время главный языческий бог марийцев, карт — жрец, карта — жертвенная лошадь — все они вышли из одного круга понятий. Автору нужно было призадуматься над тем же словом кереметь. Почему марийцы самого почитаемого языческого бога и место, где ему приносятся жертвы, называют одним и тем же словом Кереметь? Это произошло по той же логике, что мы видели с терминами карман и карт, но только значительно позже. Все же остальные четыре довода в пользу того, что Карманер был когда-то укрепленным городищем, вполне правильны, но они не являются первоначальными. Например, вспоминание о знаменитом Акпарсе способствовало только еще большему закреплению в памяти народа на многие века о существовании этого городища, но свое название этот городок имел уже со времен своего возникновения, примерно, с XI века, а Акпарс жил в XVI веке. С другой стороны, действительно, принимая во внимание, что термин карман имеет очень общий смысл, как вообще укрепленная гора, городище, крепость могло произойти так: чтобы закрепить в памяти потомков свою боевую историю, марийцы стали сочинять разного рода предания, приурачивая события к этому месту. Но опять-таки все предания, как о происхождении села Пернянгаш, так и о «Челым городке» рассказывают об одном — о борьбе марийцев совместно с русскими против Казанского ханства и татаро-монгольского насилия.

Теперь перейдем по нашему историческому мосту с правого берега Волги на правый берег Вятки, примерно, к месту впадения ее в реку Каму. По пути из волжского Карманера в Карманчук необходимо сделать небольшую остановку в городище Карман Курык. В литературе о мари мы не нашли упоминаний об этом городище. Вполне понятно, эта гора, о которой существует очень много преданий и легенд среди местных марийцев, находится в лесном Моркинском районе Марийской АССР, примерно на расстоянии 70 километров севернее от гор. Казани и до сих пор никакой археолог и этнограф туда не доходил. В августе 1934 года, во время первой своей поездки за сказками, я остановился в деревне Овда-Сола, которая лежит у подножья данной горы и записал одну легенду и несколько отрывочных преданий о ней. Легенда эта рассказывает о широко распространенных в мифологии мари женщино-подобных существах овда, которые будто бы разъезжали на конях, или ходили толпами пешком. Овда, по представлениям марийцев, одежду не носят, имеют большие груди, которые перекидывают через плечи крест на крест, во-

лос не стригут. И эта гора Карман Курык, якобы, является у них пунктом коротких остановок во время их свадебных поездок. Останавливаются они в большой дыре, которая, действительно, имеется в горе со стороны глубокого оврага. «И вот, однажды,— рассказывается в легенде,— один мариец из деревни Овда-Сола лазал в эту дыру искать клад, а в это время как раз заехал туда свадебный поезд Овда. Марийцу пришлось спрятаться там и ждать, когда они уйдут оттуда. Когда эта толпа Овда поела и отдохнула, стала собираться в путь, тогда их начальник приказал Овда наполнить все чашки и ложки, из которых они ели и пили, серебром. Вот это-то серебро досталось марийцу, отчего он разбогател.[1] «И сейчас,— заключает рассказчик,— внутри этой горы накопилось много золота и серебра, многие крестьяне пытались проникнуть за этими сокровищами через дыру, но никто не выносил никаких денег, ибо не достигал дна дыры». Мне кажется, что данная легенда приурочена в Карман-горе не только потому, что там имеется большая таинственная дыра и, якобы, в ней находится целый клад денег, а больше всего потому, что эта деревня носит название Овда-Сола — Деревня Овды. С другой стороны, мнение местных жителей о нахождении какого-то клада в горе способствовало возникновению всякого рода фантастических рассказов. Следует напомнить и о том, что, как много испорчено археологических памятников в центральной России злополучными кладоискателями.

О существовании Карман Курык и о том, что он был некогда крепостью марийцев, знают далеко за пределами Моркинского района Марийской АССР. Но все современные рассказы, связанные с этой горой, относятся к периоду жизни мари под властью Казанского царства. Такая же картина замечается, как указывалось выше, и с горно-марийскими городищами на Волге. Вполне понятно, ведь история Болгарского царства дает нам определенные указания, что племена Болгарии жили мирно. И тем более, что данное городище, затем и крепость, находилось в лесной глуши, в 70 километрах от Волги, а боевая жизнь тогда кипела именно на берегах больших рек: Волги, Камы, Вятки, Белой и т. д., поэтому никаких боевых операций в то время тут не могло и быть. Очевидно, данный Карман был образован марийцами, проникшими сюда с Волги по реке Илети, как центр небольшой родоплеменной группы, где решались узко-бытовые и общественные вопросы. На восточном склоне горы находилась жертвенная роща, которая существовала до 1930 года. Карман Курык был в сущности образован по типу костеносных городищ мирного характера, и только в период борьбы с татарским насилием он превратился в военный острог. По преданиям о князьях Яланде, Ямбулате и Чавае, эта гора являлась местом сбора боевых дружин. Карман гора с западной и северо-западной сторон окаймляется очень глубоким и широким оврагом, который тянется в обе стороны очень далеко и доходит одним концом до р. Илеть. Вероятно, лет 800 тому назад тут протекала порядочная река, а сейчас по нему течет только маленький ручеек. По этому руслу реки — оврагу Карман Курык связывался с другими городищами: Чӱкшӧ, в 15 километрах севернее Карамас, в 10 километрах южнее к Морко и в 12 километрах восточнее. Около таких же оврагов на высоком месте расположен ряд древних сельбищ, ныне села Моркинского и Сотнурского районов: Арым, Шаря, Сотнур и т. д. Такое общественно-организационное устройство жизни моркинской племенной группы марийцев в XI веке считается вполне реальным, так как в то время они имели прочно сложившееся понятие о своей племенной общности. Моркинско-Сотнурская группа марийцев до сих пор сохраняет свои этнические особенности.

Теперь перенесемся к устью реки Вятки и на берега Камы, к городу Карманчуку. Этот древний болгарский город в русской летописи упоминается под 1399 годом, в конце XIV века вместе с городами Жукотин, Кошан и Цибирца. Ввиду того, что летописи не указывали точного места нахождения этих городов, то очень многим историкам и археологам пришлось заниматься уточнением этого вопроса.[1] Мы здесь не будем полемизировать с почтенными авторами о том, где были расположены на самом деле эти города, но заметим одну слабую сторону их работ. Многие авторы стремятся показать, почему то или иное древнее название города не сходится с настоящим, или почему тот или иной город прежде назывался по другому. Так, большая полемика происходила о древнем названии города Казань — Кашан и Иски — Казан. Исследователи сопоставляют летописные названия с современными и, находя некоторые расхождения, естественно обращаются за помощью к татарскому языку и фольклору, каковые материалы на самом деле могут оказать помощь ученому в выяснении загадочных вопросов. С другой стороны, как нам кажется, привлечение марийских источников, данных марийского языка и фольклора дало бы дополнительные и не менее убедительные доводы. Дело в том, что некоторые названия болгарских городов и вообще городов, существовавших до образования Казанского царства, носят марийские названия, и с такими

[1] Это предание полностью приведено в моей статье «О марийских преданиях и легендах». См. Труды МарНИИ, Йошкар-Ола, 1941 г.

[1] Ввиду того, что мы не собираемся писать историю Болгарского царства и городов Болгарии, ограничимся указанием сводных работ, где читатель найдет первоисточники. См. напр. С. М. Шпилевский.— Древние города и др. булгаро-татарские памятники в Казанской губ. Казань, 1877 г. По указан. городам см. отдел 3, стр. 184—187.

названиями и эти городки попали в русские и татарские летописи, хотя несколько в искаженном виде. Как это получилось, или татары заселялись в прежние марийские городища и около них, или же сам татарский язык, перетерпев значительные изменения, потерял древнее значение этих слов. При таких обстоятельствах трудно науке установить, где располагается упоминаемый летописями древний город или селение. Так, летописный город Иски Кашан — Старая Казань многие авторы ищут на берегу Волги, Камы и речки Шуран. Конечно, мы не утверждаем, что Казань когда-то была марийским городом, все же название Иски Казан поддается объяснению также посредством марийского языка, а именно слово Иски соответствует марийскому слову Изи — маленький. В целом «Изи Ожан Ола» могло бы означать — маленький хозяйский город. Следовательно, можно переводить слово Казань не только от татарского слова Старый котел, а также от марийского—Оза—Ожа, что означает «хозяин», «старший», «главный», «начальствующий», «столичный», а полное название Озан Ола можно перевести город хозяина, начальника. Чувашское название Хузан имеет то же значение.

Точно также в спорах о местонахождении древнего города Карманчука и в разговорах о его названии, ученым даже не могло прийти в голову о привлечении марийских источников. Между тем, прослеживая весь древнейший слой в культуре и в языке мари, сопоставляя его с историей, видим, что такие памятники, как название Карманчук, прямо указывают на марийское его происхождение. Карман — чук это переиначенное марийское название Карман Курык, т. е. «гора-крепость». Предполагаемое место древнего города находится в 10 километрах выше устья р. Вятки и, по мнению ученых С. М. Шпилевского, Е. Т. Соловьева и И. А. Износкова, он находился около старого татарского кладбища между деревнями русские и татарские Кирмени. По описанию предполагаемого места города Карманчук, сделанного С. Т. Соловьевым, оно очень похоже на Моркинский Карман Курык.[1] Он также располагался на горе, с одной стороны протекала река, которая получила то же название Кирмень, с другой — проходил овраг. Археолог Соловьев, живя в Мамадыше, изучал вопрос о Карманчуке около трех лет. О названии Керманчук высказывает свое мнение, что оно происходит из татарского языка Кирмень — по-русски крепость, и, якобы, по свидетельству Рашид Эддина, батыев полководец Субудай доходил до него в 1236 году, а персидский историк назвал его Кержи. Отсюда Соловьев заключает, что Карманчук был небольшим укреплением, а не городом болгар. Но наличие памятников на татар-

[1] Е. Т. Соловьев. Где был древний булгарский город Керманчук. Известия ОАИЭ при Казанском Университете, т. VII. Казань, 1889 г.

ском кладбище, которые относятся к 1301 году,[1] дает право предполагать некоторым ученым, что в Карманчуке жили влиятельные представители татарского племени. Следовательно, и город был не маленький. Из всего этого видно, что ученые говорят о двух эпохах, которые отложились в исторических памятниках данной местности.

Нас интересует первоначальная история Карманчука, откуда может раскрыться и значение загадочного названия его. Мы согласны с мнением Соловьева, Шпилевского и других с тем, что название трех кирменей (верхний, средний и русский) исходит от реки Кирмень, а река же не могла получить свое наименование от названия древнего городища. Отсюда для выяснения начальной истории города могут быть привлечены не только памятники, непосредственно связанные с Кирменями, но и другие материалы, относящиеся к той же территории. Городище Карман (окончание чук прибавлено сравнительно позже, оно представляет собой татарскую и русскую переделку слова курык — курк — чук) не был здесь одиноким, он был образован на господствующей высоте, тоже как сторожевой пункт, откуда было видно, так называемое «Чертово городище» и другие. Именно на таком принципе строились все древние болгарские и марийские городища, называемые общим именем карман. С этой стороны мы вполне солидарны с предположениями И. А. Износкова, выдвигаемыми в его «Заметках о городах и курганах и древних жилищах, находящихся в Казанской губернии и о встречающихся в них находках». В другой заметке, напечатанной в следующем III томе Известий ОАИЭ, Износков рассказывает о результатах совместного обследования района села Дигитлей с В. Н. Нохратским, где приводятся любопытные данные, подкрепляющие наши мысли. Дигитлей—татарское село, находится недалеко от Кирменей, и жители в нем являются недавними переселенцами, где предполагается местонахождение древнего Карманчука. Любопытно, что большой овраг, который окаймляет городище с одной стороны, у села Дигитлей соединяется с другим оврагом и образует угол, называемый Луки или Лук, что на марийском языке означает также «угол». На таком же расстоянии от с. Кирмени, как и Дигитлей, находится село Омары с Омарским починком. Последнее название чисто марийское, его можно этимологизировать двояко: Омари — оно мары — главные — коренные мари или Онары — великаны, богатыри. Во всяком случае, это название могло быть дано марийцами, издавна живущими здесь, в честь древних предков, основателей Карманчук. Износков далее рассказывает, что поле между Омарами и

[1] Е. Т. Соловьев. См. указанную работу стр. 11—12; В. В. Радлов — Журнал. Мин. Нар. Просвещения, 1878, март, стр. 44; Н. И. Ильминский в известиях 4-го Арх. Съезда, № 4, стр. 49.

починком называется «кереметь» и в этом урочище часто находят разные бронзовые вещи».[1]

Из наличия вышеизложенных материалов заключаем, что древний болгарский город на берегу Вятки Карманчук, отстоявший также недалеко от Камы, был основан самой восточной частью марийского племени одновременно с другими городищами подобного типа, называемыми Карман (позже к этому названию прибавляется нер, курык и т. д.), которые мы относим, примерно, к XI веку. Этот период городищ Карманов в марийском фольклоре и в языке отражен в преданиях об Онарах, Чоткаре и прочих родоплеменных богатырях. В виду того, что в ходе исторических столкновений с другими племенами и народностями, марийское племя вынуждено было оставлять эти первые свои городища, устраиваться где-нибудь в лесной глуши и начинать жизнь заново. Прежним ученым предоставляло большую трудность заподозрить в этих памятниках какую-либо марийскую основу. Поэтому наши доказательства об исторических памятниках этого времени, оказавшиеся широко разбросанными и обросшими позднейшими наслоениями, для непривычного уха могут иногда показаться громом среди ясного дня.

Эти источники древней истории мари можно, безусловно, обнаружить, если подойти к разбору этой кучи древних свидетельств смело, не считаясь с тем, что уже причислено к тем народам, о которых написаны и опубликованы монографические исследования. Справедливый разбор древних памятников, чего придерживается сейчас передовая советская наука, вскрывает те загадочные моменты в истории народов Поволжья, над которыми бились многие ученые прошлого и над чем работают сейчас наши ученые. И в данной главе мы попытались вскрыть на языковом материале целый исторический слой, который характерен для истории мари в болгарскую эпоху. Данный слой в экономической, политической и культурной жизни марийского племени своими характерными данными ведет нас к тем местам, которые, действительно, им когда-то обживались и оставлялись ввиду неустойчивости исторической обстановки. И этот знаменитый город Карманчук, разрушенный в 1399 году, был действительно болгарским, но основателями его могли быть мари. Такое же историческое положение вскрывается с так называемыми костеносными городищами на берегах Вятки, что можно проиллюстрировать на истории древнемарийских городов Кукарка и Кокшаров.

[1] А. И. Износков. О сообщениях. а) члена сотрудника Е. Т. Соловьева «Одна из древних булгаро-татарских крепостей в Тетюшском уезде» и б) члена-сотрудника В. М. Нохратского «О некоторых древних памятниках в окрестностях с. Дигитлей». Известия ОАИЭ том III, Казань, 1884, стр. 294—295.

III. Древнемарийские города на реке Вятке

Теперь обратим наше внимание на цепь городищ, которые тянутся по берегам реки Вятки от самого устья до древнемарийского города Кокшарова. При этом мы не будем заниматься археологическим описанием их, ибо это сделано специалистами. Одна из позднейших работ, под названием «Костеносные городища Камско-Вятского края», опубликована Л. Вараксиной в 1929 году в Известиях ОАИЭ.[1] Выше мы упомянули, что древний Карманчук вырос на месте древнемарийского городища, которое по типу и содержанию находок было одинаковым с прочими вятскими костеносными городищами. Причем мы к нему шли издалека, с берегов Волги, держа в руках название Карман. Но мы знали в то же время, что связи между берегами Волги и Вятки в X—XIII веках прослеживаются и археологическими материалами. Так, например, археолог П. Третьяков видит определенное сходство керамики костромских городищ с керамикой посуды костеносных городищ и ананьинских могильников Прикамья.[2] Исследования Сарского городища (на р. Сар, в 5-ти километрах южнее озера Неро), которое являлось мерянским, выявили общность не только в инвентаре находок, но и в самом устройстве и расположении городища с вятско-камскими городищами. Сравнения между городищами и предметами, находимыми в них на Оке, Средней Волге и на Вятке и Каме, неоднократно делает знаток вятских древностей А. А. Спицын[3]. Все это является неопровержимым доказательством того, что основателями вятских костеносных городищ были племена, родственные меря, конкретно мари и удмурты.

Л. Вараксина начинает свою работу с описания трех городищ, которые находятся на правом берегу Камы, около самого устья. Это городища Гремячий Ключ, Сорочьи Горы и Кирюшкин городок. Нас здесь интересует более всего городища на реке Вятке. Первое такое городище, называемое Свиногорским, расположено как раз недалеко от древнего Карманчука, на самом устье Вятки. Но и это городище мы оставим в покое, хотя оно является началом цепи городищ, идущих выше по реке Вятке и, несомненно, принадлежащих одному племени, вероятнее всего, марийскому. Мы поднимаемся выше на 213 километров по Вятке, к пристани Аргыж и встречаем неизвестное Аргыжское городище, которое расположено на левом

[1] Л. Вараксина. См. Известия ОАИЭ, том XXXIV, вып. 37, Казань, 1929.

[2] П. Н. Третьяков. К истории племен верхнего Поволжья в первом тысячелетии н. э. Материалы и исследования по археологии СССР, № 5, М.—Л., 1941, стр. 90.

[3] См. его работу «Древности бассейнов рек Оки и Камы». Материалы по археологии России № 25, 1901 г.

берегу, близ деревни того же названия, а недалеко от него в 23 километрах по течению реки, уже на правом берегу Вятки находится другое — Ройское городище. Оба эти городища по плану очень похожи друг на друга.[1] С одной стороны река, с двух сторон кокошникообразный вал и ров. Площадь обоих городищ почти одинакова, размер ее невелик, примерно 500 кв. метров, очевидно, как и средневолжские городища, они строились на 100—150 человек, и, вполне возможно, что здесь существовал родовой принцип организации, т. е. каждый тукым — «сородичи» или насыл — союз родственников — строил себе укрепленное жилище. В районе расположения указанных двух городищ, в бывших Уржумском и Малмыжском уездах Вятской губернии, к настоящему времени открыты еще несколько городищ подобного типа, которые, действительно, представляют из себя родовые сельбища, и все они находятся на берегах притоков р. Вятки: Буй, Шурма, Уржумка и др. Например, Буйское и Лебяжское городища описаны А. Спицыным в его «Материалах по археологии восточных губерний России»[2].

Городище Аргыж называется у малмыжских марийцев «Аргыж патыр», местное русское население именует его просто «Богатырь»[3]. Название городища напоминает нам опять то же татарское наименование удмуртов ар и чувашское ар — человек. Но это же название перекликается с названиями марийских городищ: Карман, Кукарка, Кокшар. Вообще этот Вятский край древние русские летописцы называют Арской землей, конечно, это не значит, что здесь речь идет только об удмуртах. Удмурты на среднем течении р. Вятки появились не ранее XIV века, в этом отношении мы солидарны с мнением А. А. Спицына, но и вместе с ним не решаемся сказать, на какой арской земле осели ушкуйники после грабежа марийских и русских селений на Суре и Ветлуге[3]. Можно даже подумать, что русские летописцы, описывая походы новгородцев на Вятку, называли этот край Арской землей потому, что им каждый раз приходилось брать городки, в названиях которых непременно слышны сочетания звуков ар — кар. При этом должны помнить, что название древних городищ всегда имело что-то общее с племенным самоназванием. Названия городищам давали всегда сами строители его, и они сохранялись даже по

[1] Вараксина в конце вышеуказанной статьи приводит план расположения городищ по р. Вятке и дает план устройства каждого в отдельности, по которому мы видим, что они располагались на одинаковой местности и обносились рвами и походили друг на друга.

[2] См. указ. работу, вып. 1, стр. 47, 53—56.

[3] Вараксина сообщает, что П. А. Пономарев записал предание под названием «Аргыжский богатырь», которое хранится в его рукописях. См. указ. работу стр. 87.

[4] А. Спицын. Древнейшая судьба Вятской области. Вятка, 1889, стр. 39.

уходе их в другое место. Но ведь удмурты, кажется, сами себя не называли тогда арами, хотя название городищ удмуртов всегда составляется при помощи прибавления термина кар — жилище, к имени основателя его, например, Идна-Кар и др. Название Аргыж очень напоминает название другой пристани на Вятке, находящейся выше Кукарки,— это Сарвиж. Термин «сар» на марийском и чувашском языках означает «война», а окончание «виж» происходит от краткого марийского названия реки Вятки — Виче, в целом получится Сарвич — «боевая река». Впрочем все три термина ар, кар и сар выражали сперва одно понятие и постепенно, по мере развития общественной жизни, к ним прибавлялись новые, приблизительно в такой последовательности: гора, жилище, крепость, война, город. Даже гибкая ива, растущая на берегах рек и служащая материалом в строительстве деревянно-земляных укреплений-валов, на марийском языке сохранило свое первоначальное название «арама». Этимология названий и находимые в Аргыжском и Ройском городищах предметы с предельной ясностью говорят о характере этих городищ в период их расцвета. Они были боевыми укрепленными пунктами, внутри которых текла мирная созидательная жизнь.

Аргыжское, Ройское, Буйское и Лебяжское городища оставили нам хорошую память о материальной культуре и общественной организации марийского племени. О том, что они были городищами марийского племени подтверждаются очень богатыми археологическими, фольклорными и другими историческими материалами Пижемского городища. В этом городище найдено около 2000 предметов, которые повторяют все формы предметов, встречающихся в других, так называемых, костеносных городищах. Кроме того, на территории Пижемского городища находится не менее важный памятник, связанный с ним пятикилометровым подземным ходом, древняя Кукарка. Эта Кукарка и Кокшаров являются историческими пунктами, где вновь и на веки столкнулись марийское племя с русскими — новогородскими выходцами с севера. Следовательно, данный факт важен для нас, как факт, констатирующий начало новых исторических отношений, которые непрерывно развивались до наших дней и как факт, связывающий более древнюю культуру мари с позднейшей, которая развивалась под влиянием русского народа со стороны р. Вятки в виде постепенного и постоянного отрицания прошлой низкой городищенской культуры.

Пижемское городище дало очень много ценного материала для археологов; на них теперь строятся различного рода предположения и выводы о древней жизни аборигенов этого края.[1]

[1] Самое большое количество материалов из Пижемского городища получили археологи А. А. Спицын и А. С. Лебедев. Предметы из городи-

Для нас большой интерес представляет вывод А. В. Сбруевой о том, что в Пижемском городище имеется два культурных слоя, первый — нижний слой, относящийся приблизительно ко II и I веку до нашей эры, второй — верхний слой, относящийся к VIII—IX векам нашей эры.[1] Это показывает, что городище существовало довольно продолжительное время. С данным делением Сбруевой соглашается проф. А. П. Смирнов, но делает некоторые уточнения в отношении эпохи, к которой относятся эти слои.[2] «Основной нижний слой Пижемского городища, как указано, относится к пьяноборской культуре», говорит Смирнов, и датирует его первым веком до нашей эры, до которого господствующей культурой в Прикамье была ананьинская. Устанавливая генетическую связь верхнего слоя с культурой предшествующих эпох, археолог Смирнов на основании изучения материалов приходит к выводу, что в VIII—IX веках происходят перемены в жизни жителей городища, выразившиеся, с одной стороны, в переходе к плужному земледелию и, с другой стороны — в отделение ремесла от сельского хозяйства»[3]. Конкретно по Пижемскому городищу проф. Смирнов говорит: «Верхний слой городища относится к эпохе подсочного земледелия, так как найдены жернова ручной мельницы, которые никоим образом не могут возникнуть при мотыжной обработке земли, при которой удовлетворялись проетой зернотеркой».[4]

Нас интересует вопрос, предки какого племени населяли Пижемское городище. Исследователи согласны с тем, что жизнь в этом городище кипела беспрерывно до XI века. Сам А. П. Смирнов придерживается того мнения, что когда ремесло выделилось от сельского хозяйства, то эти ремесленники оставались в городище и в пригородах, а остальное население уходило в другие места. Вместе с этим нам бы хотелось получить от археологов ответ — предки какого именно племени жили в Пижемском городище в VIII и XI веках н. э. На этот вопрос никто прямого ответа не дал. А. П. Смирнов вслед за Спицыным,[5] не указывая точно на данное городище, говорит, что удмурты сформировались на территории Чепцы и Вятки из общего конгломерата родовых групп, известных под именем

ща, добытые Спицыным в 1887 и 1888 г. г., экспонируются в Историческом музее в Москве, и они же вошли в его большой ученый труд в «Материалы по археологии восточных губерний России», вып. 1, Москва, 1893 г.

[1] А. В. Сбруева. Пижемское городище. Известия ГАИМК № 106.

[2] А. П. Смирнов. Прикамье в первом тысячелетии н. э. Сборник статей по археологии СССР. Москва 1938 г. стр. 145—153.

[4] Там же, стр. 156.

[3] А. П. Смирнов. Там же стр. 149.

[5] Эти курганы, Одоилемы описаны А. А. Спицыным в его работе: «Новые сведения по доисторической археологии Вятского Края». См. там же. Вятские Губерн. Ведомости за 1887 г. №№ 89, 90.

пьяноборской и ананьинской культуры и еще более древних культур».[1] И, наконец, автор приходит к следующему заключению: «Вся совокупность материалов показывает, что X—XI в.в. явились временем перехода к феодализму у удмуртов, у которых на Чепце находился центр их государственного образования».[2] Может быть, этот вывод А. П. Смирнова требует некоторой конкретизации, но у него сложилась такая концепция еще в 1931 году, которая изложена в статье «Финские феодальные города».[3] Для нас представляет большой интерес мысль автора в том отношении, что он все городища, известные под названиями каров, склонен относить к феодальным и датирует их возникновение, видимо, IX—XI веками. Оспаривать данное положение автора мы не будем, но заметим, что говорить о феодализме у удмуртов в IX и X веках очень рано. Эти карские городища у них возникли, причем, с некоторыми признаками феодализма, не раньше XI—XII века и, может быть, еще позже. Все эти проблемы требуют детального анализа.

Что же происходит в это время с вятскими марийцами, и причастны ли они в организации Пижемского городища? Несомненно, причастны. Культурные остатки верхнего слоя городища говорят за то, что самыми последними обладателями его являлись марийцы. Больше того, период упадка жизни в Пижемском городище приходится на тот период, когда марийцы организовали другое городище на самом крутом берегу Вятки — Кукарку. От какого другого племени получили мари Пижемское городище, сказать трудно, может быть, и от удмуртов — Одо, но исторически достоверно, что сами марийцы передали то и другое русским, новгородским выходцам в XII веке. Марийское предание о Кугураке рассказывает, что этот легендарный герой, ставший позже божеством, являлся в то же время искусным кузнецом, ремесленником. Нельзя ли видеть в этом Кугураке того пижемского ремесленника X века, о котором говорят археологи? Такой, вполне сохранившийся ремесленник, выкопан археологами в Черемисском могильнике X века на реке Ветлуге, а Яранские (Кукарские) марийцы, как известно, двигались на берега Вятки именно по Ветлуге и Пижме. Даже проф. А. П. Смирнов не мог не заметить того факта, что вятские Лопьяловский и Юмский могильники по вещам напоминают Окские могильники и, с другой стороны,— примыкают к Чепецким[4]. Археолог Б. С. Жуков на основании сходства предметов, найденных в ветлужских костеносных городищах с предметами таких же городищ на Вятке и Каме,

---

[1] А. П. Смирнов, там же стр. 153—154.

[2] Там же, стр. 164.

[3] См. Указан. статью в сборнике «На удмуртские темы», Москва, 1931 г.

[4] А. П. Смирнов. Указан. работа, стр. 151.

устанавливает, что там и тут жили некогда представители одного племени.[1] Следовательно, западная часть марийского племени, живя долгое время на Волге и в низовьях Оки совместно с русскими земледельцами и ремесленниками, переняла и перенесла эти жизненно-необходимые достижения на берега Вятки. Таким образом, появление марийцев-волжан на Вятке, в пределах бывш. Яранского уезда (Яран, Кукарка, Кокшар) сделало возможным появление здесь и ремесла и подсочного земледелия. Этот вывод подкрепляется еще тем фактом, что все древние удмуртские жилища, так называемые «Одо илемы» (а не Одо лем, как ошибочно называют археологи) в быв. Яранском уезде, например, Ернурское не дают материала, доказывающего о существовании у них плужного земледелия.[2] «Найденные на них черепки,— пишет Спицын,— позволяют провести аналогию их с вотскими средневятскими городищами, с которыми они сходны также и по своей бессодержательности.»[3] Археолог Спицын записал одно марийское предание, связанное с Ернурским Одо илемом (жилищем удмуртов), где рассказывается известный сюжет о борьбе марийского и удмуртского богатырей из-за этой территории. Отсюда можно даже предположить, что до марийцев жителями Пижемского городища одно время были удмурты. Причем, находясь на низкой ступени общественной организации, удмурты еще тогда не давали даже названий своим местам поселения, ибо Одо илемы и Пижемское городище не являются собственными названиями. Свои городища удмурты начали именовать не ранее XII в., это — кары — жилища родо-племенных вождей.

Итак, организация марийцами городищ на реке Вятке Кукарки и Кокшара говорит о многом. Во-первых, этот момент хронологически совпадает с развитием русских древних городков, будущих центров отдельных феодальных княжеств северо-восточной Руси, что является также свидетельством роста производительных сил и производственных отношений у марийского племени. Это говорит, во-вторых, что марийское племя сформировалось и готово было двигаться в своей племенной общественной жизни наравне с русским племенем, с которым оно до сих пор вместе развивалось. Но, территориальный отрыв вятских марийцев от Волги, прочие естественно-географические условия, недостатки орудий производства и, наконец, различие в религии, на некоторое время приостанавливают и замедляют развитие культуры и экономики

[1] Б. С. Жуков. Человек Ветлужского Края. Производительные силы Нижегородской губ. вып. 3, 1926 г., стр. 248—249.

[2] П. И. Кротов. Древние поселения Яранского уезда. Известия ОАИЭ, том X, вып. 4, Казань, 1942.

[3] А. А. Спицын. Вещественные памятники древнейших обитателей Вятского края. Вятка, 1889 г., стр. 34.

среди этих мари. Но вот явились на Вятку новгородские ушкуйники, в которых трудно было узнать представителей миролюбивого и дружелюбного русского племени. Впрочем и здесь после бурной встречи отношения между этими представителями двух племен скоро наладилось, и жизнь вошла в нормальное русло.

Марийцы встретились с русскими в Кукарке, вероятно, в тот же 1181 год, когда был взят новгородцами древнемарийский городок Кокшаров. О Кукарке имеется очень много преданий, ибо это место, кроме всего прочего, считается у марийцев местопребыванием старика большой Немдинской горы Кугурака, который и свое имя получил от этой местности. Название древнего городища и имя первого марийского кузнеца, героя-богатыря Кугарка, ставшего затем богом-покровителем всего марийского племени, абсолютно тождественны. Вероятнее всего имя Кугурак происходит от названия городища Кугуарка — большая гора, и, не случайно, что марийцы называют его просто Курык кугыза — горный старик или Курык пӱамбар — горный пророк. Городище Кукарка, должно быть, организовано самими марийцами, и, может быть, вскоре, как они поселились в Пижемском городище. Действительно, ведь мы имеем два убедительных свидетельства, связывающих эти два городища между собой: первое, подземный ход, соединяющий оба городища и марийские предания о превращении Чымбылата в Кукарка кугыза. Марийцы, явившись с берегов Волги, раскинули свои жилища-городища около Ярани (само название г. Яран — означает по-марийски «пустое место», а не «кислое молоко», как думают некоторые, ибо последнее «йыра» само произошло от первого, по смыслу — молоко, освобожденное от масла) и вокруг Кукарки, например, Еманаевское на Пижме, Ниже-Вятское на Немде и другие. Так здесь образовалась особая этническая группа марийского племени, известная под названием Яран мари.

Известие о Пижемском городище впервые появилось в журнале Министерства Внутренних дел в 1844 году, а о Кукарке в 1866 году на страницах Вятских губернских ведомостей[1]. Эта статья Н. И. Золотницкого с ценным примечанием редакции служит для нас своего рода историческим документом. «Время основания Кукарки неизвестно,— пишет он,— но черемисское название ее дает право полагать, что она существовала еще до заселения Вятского края русским племенем и, подобно древнему черемисскому городу Кокшарову (ныне Котельнич) завоевана у черемис новгородскими выходцами». Относительно названия Кукарки Золотницкий делает не совсем правильную этимологизацию этого слова. Он говорит, что «оно

[1] Н. И. Золотницкий. «Кукарка 1-го января 1866 г.» Вятские губерн. ведомости, № 48, за 1866 г. стр. 293.

происходит от слов Кугу или Кук — большой и корка — ковш. Название большой ковш она получила, без сомнения, от изобилия воды». Автору, конечно, было неизвестно древнее марийское название большого ковша «алдыр» и более древнее название горы «арка», чем современное слово «курык», откуда он бы нашел другие основания, именно кугу арка — большая гора, затем ку+кар+ка. При скудности археологических и исторических данных автор не мог также назвать приблизительную эпоху возникновения этого городка. Мы же, исходя из результатов анализа всех данных, осмеливаемся утверждать, что Кукарка возникла не позже XI века, как городище, которому суждено было стать центром формирования северо-восточной части марийского племени с его специфической, материальной и духовной культурой.

Н. И. Золотницкий далее говорит: «Считают весьма древними две часовни — одну в самой Кукарке на берегу реки Пижмы и другую в селе Горах, на берегу реки Вятки: по преданию, они поставлены над телами погибших в каких-то битвах. Были, говорят, также подземные ходы из Кукарки — один — к реке Немде, а другой — к устью Пижмы. Ко времени борьбы тузенов с выходцами относятся два городища». Затем, описав совершенно одинаковые местоположения Пижемского и Нижневодского городищ, автор делает заключение, что «оба эти городища были, по всей вероятности, сторожевыми пунктами от нападения неприятелей». Эти ценные замечания Золотницкого подтверждаются более ранними известиями о Кукарке. В тех же «Вятских Губернских Ведомостях» за 1838 год помещено редакционное прибавление к статье неизвестного автора под названием «Описание Удельной слободы Кукарки»[1], где говорится: «Коренные ее жители были черемисы, старики в некоторых семействах помнят своих дедов черемис. Памятников глубокой древности Кукарка не имеет, кроме предания, что она пополнилась беглыми и разными русскими переселенцами, большей частью, как можно полагать, новгородцами». В прибавлении говорится о двух часовнях и подземном проходе, который был открыт при постройке Соборного холодного храма.

Из всех этих данных открывается истинная картина древней Кукарки. В самом конце XII столетия в 1174 году в Кукарку пришли новгородские ушкуйники, но они там не остались. Надо полагать, что слобода Кукарка стала заселяться представителями русского племени не раньше XIV века. Кукарка не завоевывалась русскими князьями во время их походов на болгарские города в XI—XII в.в., ибо она была далеко за пределами Болгарского царства. Как сам городок, так и

[1] См. «Прибавление к № 15 Вятских Губернских Ведомостей». № 8, 1838 г., стр. 36.

его жители марийцы не были опасны для них, наоборот, они являлись союзниками; ее постепенно заселяли частично новгородские ушкуйники во время своих походов в 1366, 1369, 1370 г.г. и особенно во время похода в 1374 году в г. Булгар и Засурье[1]. Все русские летописи свидетельствуют, что новгородские ушкуйники в 1375 году разграбили Кострому и Нижний Новгород, захватили в плен большое количество русских крестьян и увезли их в неволю в Астрахань. Летопись упоминает о походе вятчан-ушкуйников в 1379 году в Арскую землю.[2] Кроме того, не мог не задеть Кукарку поход ушкуйников в 1931 и 1409 годах на Жукотин и Казань, которые также шли с верховьев р. Вятки и, пограбив эти города, вернулись обратно.[3] Эти исторические факты говорят о том, что абсолютно лживы те представления об отношениях мари и русских, которые якобы проходили в бассейне реки Вятки в постоянной борьбе между ними. История говорит не о племенной борьбе, руководимой какой-то нетерпимостью, а о социальной борьбе общественных сил, включивших в свою орбиту и марийцев и русских. И те подкопы и разные укрепления военного типа в древних городках, например, Вятке, устраивались марийцами не против русских как таковых, а против удалых новгородских ушкуйников и других недругов, мешавших спокойно жить. Надо сказать и то, что эти частые встречи с ушкуйниками на Вятке в течение почти 200 лет, наложили некоторый отпечаток и на нравы тамошних марийцев по закону «с волками жить, по-волчьи выть». Наше утверждение о мирном характере отношений марийцев и русских на Вятке в XII—XIV веках подкрепляется еще и тем, что вышеупомянутым свидетельством 1838 года некоторые русские жители слободы Кукарки помнят своих дедов из мари. Это говорит, что слобода Кукарка постепенно, по мере обрусения марийцев, превращалась в город с чисто русским населением, каковым она является сейчас. Больше того, если сейчас на расстоянии 30—35 км от Кукарки нет совершенно марийских деревень, то значит ли из этого, что марийцы убежали оттуда, испугавшись русских? Нет. Наличие русских деревень с марийскими названиями, множество старых поверий, обрядов, обычаев русского населения этого района, которые сейчас вообще отходят в область предания, наконец, язык населения и устные предания, все это говорит о постепенном, мирном обрусении мари.

Те две древние часовни, существовавшие еще в начале XIX века, наверное, были построены в память погибших жителей Кукарки во время стычек с новгородскими ушкуйниками, которые не щадили и мари и русских. Но, все же, сознавая свою

[1] См. Воскрес. летопись ПСРЛ, том VIII, стр. 21
[2] См. Никоновск. летопись, IV, стр. 84.
[3] См. Воскрес. летопись ПСРЛ, том VIII, стр. 61.

племенную разницу, марийцы и русские могли построить две часовни—марийскую на берегу Пижмы и русскую на берегу Вятки. Я сам являюсь свидетелем того, когда марийцы из деревни Дурмагашево в начале каждого лета гурьбой ходили молиться к месту второй часовни на расстоянии 35 км.

Любопытно, что среди русских жителей современной Кукарки (Советска) бытует предание о часовне, об отношении марийцев к нему и к городу вообще. Предание записано в 1944 году, приведу небольшую выдержку из него. Время основания города неизвестно, но русские поселились в 1600-х годах. Основателем этого города был марийский пророк или государь «Кукарка». Его же местожительство находилось на горе Каменеломне, т. е. на устье реки Пижмы. В честь имени этого пророка построена часовня, так называемая «Иоанна воина», в этой часовне молятся, а марийцы приносят жертву. Говорят, что марийский пророк Кукарка был почти таким же, как Иисус Христос, он предвидел все, что должно быть в будущем. Он понимал, что русское войско завоюет татар и всю Вятскую землю, а потому он хорошо помогал в завоевании Казани, дал место русским для строительства города...»[1] Здесь сказительница датирует заселение Кукарки русскими примерно тем временем, когда по приказу Ивана Грозного были построены города Уржум, Царевококшайск, Козьмодемьянск. Это не совсем точно. Правильно другое, именно русские кукаряне марийского пророка превратили в христианского божка Иоанна воина. Это действительно так. И правильно также то, что марийцы заранее готовят посулы (сук) в виде отрезков конопляного холста, посконьи (кӱляш), воска, медных денег и т. д. и несут все это к часовне и молятся перед иконой Иоанна, называя его Кугураком или Кукарка. Это место моления, где стоит часовня, у кукнурских марийцев (Казанский район Марийской АССР) носит название «Талича», русские соседи называют Талица.

В одной специальной главе мы будем говорить о том, как этот марийский герой предания и языческий божок Кугурак, оторвавшись от своего городища, изменил свой образ тоже под влиянием христианства.

Не ясно ли, что все эти факты могут наличествовать только в том случае, когда при первой же встрече двух племен отсутствовал принцип завоевания или племенной нетерпимости. Тут произошла встреча таких двух народностей, которые сами не терпят насилия над самим собой и не допускают насилия по отношению к другому. Такой принцип был положен в основу взаимоотношений мари и русских в Вятском крае еще в XII

[1] Предание это записано А. М. Бердниковым в 1944 г. от гр-ки Захаровой Валентины Степановны, уроженки г. Советска. Запись хранится в Научном фонде МарНИИ. Вторая папка А. М. Бердникова, № 13.

веке. Данный вывод подтверждается историей города Кокшарова.

Несколько по иному выглядит история древнемарийского города Кокшар (Кокшер), Кокшарово, ныне Котельнич, районный город Кировской области, расположенный также на правом берегу реки Вятки. Древней истории этого города посвящена специальная работа проф. П. И. Кротова[1]; о нем писал путешественник XVIII века капитан Рычков[2]. Город Кокшаров находится от древнего Хлынова (ныне г. Киров) в 145 км вниз по течению реки Вятки; он был взят новгородскими ушкуйниками в 1181 году во время первого их похода на Вятскую землю, когда они образовали свою колонию в Хлынове и положили тем самым основание городу Вятке. «Вошед во устье реки Вятки,— рассказывает Рычков о первом походе новгородцев,— пошли по ней вверх до черемисских жилищ, и скоро достигли до города Кокшерова, которым обладали древние черемисы» (стр. 312). Новгородцы знали, что город укреплен и народу в нем много, поэтому они готовились взять его приступом. Но произошел ли бой за обладание городом, сказать трудно. Кротов говорит, что город был взят новгородцами приступом (стр. 322), а Верещагин, комментируя Рычкова, говорит, что марийцы на второй день сдали город без боя.[3] Надо думать, конечно, что марийцы попытались защищать свой город в день прихода ушкуйников, но видя свою слабость и, избегая кровопролития, они ушли в организованном порядке в лес.

Древний город марийцев Кокшар, безусловно, представлял из себя первоначально такое же городище, как Кукарка и другие, рассмотренные выше места. Он был таковым и по значению и по внешнему устройству. Все исследователи говорят, что нынешнее русское название города Котельнич, является простым переводом марийского названия Кокшаров, а последнее слово происходит из названия речки Кокшер. По свидетельству Глушкова, эта речка в древности была довольно значительна и впадала в Вятку, ныне она высохла почти совсем.[4] Реку Кокшар русские называют сейчас Котлянкой. И вот между рекой Вяткой и Котлянкой было устроено городище, даже с кремлем, развалины которого, якобы, видел еще Рыч-

[1] П. И. Кротов. Кокшер — Кокшаров и Котельнич. Календарь и памятная книжка Вятской губернии на 1895 г. Вятка, 1894 г.

[2] Капитан Рычков. Журнал или дневные записки путешествия капитана Рычкова по разным провинциям российского государства 1769—1770. СПБ 1770.

[3] А. Верещагин. О древности города Хлынова и всей Вятской страны. Календарь Вятской Губернии. Вятка 1892 г.

[4] Глушков. Топографическо-статистическое и этнографическое описание г. Котельнич. Записки Русск. Географ. Общ. за 1862 г. кн. 1, стр. 2—3.

ков в 1770 году. Но проф. Кротов сомневается, могли ли уцелеть деревянно-земляные укрепления города после большого пожара, бывшего в 1687 году. Культурные остатки, относящиеся ко времени древнемарийского Кокшарова, найдены Кротовым и Спицыным, и они очень сходны с предметами верхнего слоя Пижемского и других городищ.[1]

Интересно выяснить, конечно, точную этимологию названия Кокшерова, ибо по его названию ученые даже определяли, кто являлся основателем этого городища. Например, Верещагин слово Кокшер выводит из удмуртского языка: кок — ступай, убирайся, кар — жилище, город.[2] Но как видно, эти два удмуртские слова мало вяжутся друг с другом. Более основательны мнения Рычкова и Кротова о марийском происхождении слова Кокшер. Кротов утверждает, что это был марийский город от самого основания. «Мы основываемся в данном случае,— говорит он,— на названиях: Кокшер, Кокшаров, прилегавшихся к этому финскому (? К. Ч.) городку и протекавшему тут ручью. Эти названия могли быть взяты от черемисского слова «кокшер», означающее на яранском наречии обсохшее болото, котловину, образовавшуюся после высыхания сырого места. Очень может быть, что такая обсохшая котловина находилась прежде в области нынешней долины Котлянки».[3] Надо полагать, что Кротов имеет ввиду марийское слово «кукшер», буквальный перевод — «сухие места».

Но проф. П. И. Кротов не останавливается на этом. Он, на основании разъяснения марийца Т. Семенова кокшар как «сучковатая жердь»[4], полагает, что в применении к древнему Кокшерову это слово может указывать на характер самого укрепления этого города. Этот город, быть может, был обложен забором из сучковатых деревянных стволов, впоследствии замененным деревянным забором с башнями и воротами, защищавший Котельнический кремль.[5] Да, мысль Кротова вполне логична, хотя сухая, сучковатая жердь называется сейчас у марийцев несколько иначе, не кокшар, а шопшар, но она могла называться прежде именно кокшар или кокшер. Это можно подтвердить тем, что в современном марийском языке короткое бревно называется кашка, а предмет, похожий на небольшой боченок без дна, куда наматываются нитки называется кашкар. Можно поверить и тому, что древние марийцы, употреблявшие для строительства своего города много сучковатых жердей, назвали само место, городище собранием таких

[1] А. Спицын. Каталог древностей Вятского Края. Вятские губ. Ведомости за 1882 г.

[2] См. записки Русск. Геогр. Общ. по отд. Этнографии, т. 14, вып. 2, стр. 104.

[3] П. И. Кротов. Указан. работа, стр. 326—327.

[4] Т. Семенов. Черемисы. Историко-этнографический очерк. Казань, 1893, стр. 5.

[5] П. И. Кротов. Там же, стр. 327.

жердей—кокшер. Именно, по такому же принципу, т. е. из названия материала и способа его применения, луговые марийцы назвали город Козьмодемьянск «Чыкма», что означает «огороженное место», или буквально изгородь из переплетенных сучьев или целой ивы. Из древних рисунков г. Козьмодемьянска видно, что он первоначально был окружен такой деревянной изгородью. Все вышеизложенные факты доказывают о том, что город Кокшаров построен марийцами и ими же дано ему имя соответственно строительному материалу и самой местности.

Историки, археологи и этнографы, останавливаясь на древнем прошлом города Котельнича, упоминают о марийском названии города и датируют время перехода его во владение новгородских выходцев. Просматривая источники, мы пришли к убеждению, что, действительно, марийцы, уйдя из своего городища Кокшер в 1181 году, больше туда не возвращались для постоянного там проживания. Нет сомнения, конечно, марийцы мечтали об отвоевании города и даже предпринимали шаги к этому, но ушкуйники прочно укрепились там, основали свой окрайный сторожевой городок. С другой стороны, можно допустить, как это было в Кукарке, что некоторая часть марийцев проживала там вплоть до XV века. Такая вероятность может быть допустима потому, что новгородские ушкуйники в своих отношениях с другими народами и даже в налетах с целью грабежа не делали племенного подразделения, они руководствовались только законом выгоды. И еще несомненнее другая возможность, что часть марийцев вовлекалась в отряды ушкуйников во время их походов на Каму, Волгу и т. д., ибо марийцы, как речные люди, управляли лодкой не хуже самих новгородцев-лодочников. И, наконец, наличие русских деревень с марийскими названиями у самого города и существование деревень с марийским населением на юге Котельнического уезда до конца XIX века свидетельствует не о внезапном удалении марийцев с этого места, а о долгой совместной жизни их с русскими, о постепенной ассимиляции их, иначе русские поселенцы могли бы давать своим деревням исключительно русские названия.

Этнограф Д. К. Зеленин отмечает, что жители Котельнического уезда довольно сильно отличаются по своему характеру от населения Вятского уезда и что некогда марийцы заселяли всю эту местность[1]. Не говоря прямо о взаимном культурном влиянии марийского и русского населения этого уезда в прошлом, Зеленин приводит интереснейшие факты из быта русского населения Котельнического уезда, которые бытовали также в обычаях и обрядах мари до недавнего времени. Занесено новгородцами или существовал у древних марийцев оди-

[1] Д. К. Зеленин. Кама и Вятка, стр. 153.

наковый обычай отмечать куриный праздник — нам неизвестно. 26-го августа под городом Котельнич русское население отмечало раньше «петушиный праздник», а у марийцев северных районов Марийский АССР до недавнего времени существовала весенняя ярмарка, называвшаяся «куриным базаром» — чыве пазар. Древний обряд котельничан, называемый «Троециплятница», также имеет отражение в быте кукнурских марийцев (Казанский район Марийской АССР). Этот языческий обряд вятчан хорошо описан Гребневым в его статье «Куриный обед», откуда мы узнаем, какое значение оно должно было иметь в жизни крестьянки.[1] Женщины собирали со всей деревни куриц, выведших уже по три гнезда цыплят в один дом, варили в горшках, съедали их в торжественном молчании, а кости несли хоронить куда-нибудь в овраг. Каждая женщина старалась пронести горшок с костями на своей голове с тем, чтобы у нее никогда не болела голова. У марийцев вышеуказанной местности древние обряды с курицей имели то же значение; даже куриное перо и пух никогда не употреблялись на подушки с той мотивировкой, якобы, от куриного пуха болит голова, и появляется шум в ушах и в голове. Исследователь Б. С. Жуков сообщает другой любопытный факт, что жители Воскресенского и Уренского районов Горьковской области, в которых живут частично, так называемые, ветлужские марийцы, еще в 1925 году имели «куриного божка» ввиде лаптя. Этот лапоть вешался на насесте, чтобы куры водились и «шишимора» не трепала.[2] Откуда мог придти на Ветлугу этот обычай? Его занесли те же вятчане. Исторически известно, в этом районе на Ветлуге осели новгородские ушкуйники после одного неудачного похода на Волгу, которые шли туда из вятской земли по реке Вятке, Каме и Волге. У марийцев долгое время существовало такое же поверие, что лапоть может действовать оздоровляющим образом на курицу. Лапоть привязывался к ногам той курицы, которая начинала петь по-петушиному или неестественно курлюкать.

Марийские языческие жертвоприношения пророку Кугураку напоминали обряд проводов явленной иконы святителя Николая, который проводился вятчанами 21-го мая вплоть до XIX века. Эту икону из города Вятки везли на лодках до села Великорецка. На реке Великой около церкви устраивали целый языческий обряд: «в жертву святителю Николаю приносили баранов, закалывали их вблизи Великорецкой церкви, сопровождали все это пиршеством, припасы для которого (в

[1] Гребнев. «Куриный обед». Памятная книга Вятской губернии на 1898 г. стр. 118—119.

[2] Б. С. Жуков. Человек Ветлужского края. Производительные силы Нижегородской губернии, вып. 3, 1926 г. стр. 252—256.

частности варение пива) заготовлялись с ноября месяца...»[1] У русских крестьян Котельнического уезда хранились в памяти одинаковые представления с марийцами о великанах, Онарах. Около села Гоголева есть деревня Городок и при ней курган. Крестьяне этой деревни рассказывают, якобы, вешней водою в кургане размывают кости громадных размеров. Крестьяне не пашут этот курган из боязни каких-то мифических гигантов «осилков», которые будто бы на большое расстояние кидают камни пудов до 30 весом.[2] Кто от кого воспринял все вышеизложенные обычаи, представления и обряды, марийцы от русских или русские от марийцев? Ответить на этот вопрос трудно. Можно сказать, что новгородские выходцы в период первой встречи с марийцами на берегах Вятки очень не намного стояли выше в своем культурном развитии. И когда они как территориально, так и направлением своей жизни оторвали себя от основной массы русского племени, где бурными темпами складывалась великорусская культура, несколько даже отстали от них и сравнялись с местными племенами края. Можно думать, что культурное влияние между выходцами и марийцами в XII—XIII веках в районах Ветлуги и Вятки могло быть почти одинаковым. Постепенно, примерно, с XIV века, когда влияющая масса населения стала перетягивать на сторону вятчан, когда появились в Хлынове, Орлове и Котляне (Кошкарове) христианские церкви, тогда, конечно, культурно-экономическое влияние русских на мари стало более заметным. Ярчайшим фактом, подтверждающим подобный поворот дела, является то, что первая церковь в г. Котельниче была поставлена в честь воздвижения и первым престольным, полухристианским праздником у большинства марийцев, живущих в смежных с Котельничем и Кукаркой районах, стало воздвижение, проводимое ежегодно 27-го сентября. Но марийцы испытали влияние древних вятчан не только в культурном отношении: удалые новгородские ушкуйники на Вятке оказали громадное влияние на формирование у мари боевого характера. «Они без труда приобретают в деморализованной земле влияние,— пишет археолог А. Спицын,— и вот Вятка на некоторое время становится хищническим гнездом, небезопасным для соседей, кто бы они ни были. Целое поколение подросло на Вятке, прежде чем Московские князья могли обуздать своеволие своей далекой вотчины. За это время вятчане не раз совершенно открыто выходили из повиновения и даже передавались во власть Казанского царя»[3].

Говорить подробно об истории города Кокшарова — это значит — говорить о своевольной истории вятчан, ибо этот

[1] Д. К. Зеленин. Кама и Вятка, стр. 139.

[2] Там же, стр. 154.

[3] А. Спицын. Древнейшая судьба Вятской области. Вятка 1889, стр. 45.

город со времени образования новгородцами Хлынова и Орлова явился их третьим окраинным городом, откуда вятчане не раз отправлялись в свои разбойничьи походы в другие области. История вятчан действительно очень интересна. Они вплоть до 1489 года, когда окончательно покорил их великий князь Иван III, несколько раз клялись в своей верности Московскому князю, но на деле всегда нарушали свою клятву. А по своему стратегическому положению эта Вятская область для Московского княжества имела громадное значение и в первую очередь для борьбы с реакционным Казанским царством. И вот, первый раз в жизни марийцы увидели многочисленное войско великого князя, которое сошлось в их древнем городе Кокшарове 6-го августа 1489 г. для того, чтобы окончательно усмирить боевых вятчан — хлыновцев, с которыми у марийцев были и мирные и боевые встречи. 1-го сентября из Хлынова увезли в Москву и расселили в ее окрестностях самых отъявленных своевольников и вместе с ними был увезен и ушкуйничий дух с берегов Вятки. За полстолетия до падения Казанского царства на Вятке водворился мир, и это для северо-восточной части марийского племени имело громадное положительное значение.

И так, мы провели беглый обзор разбросанных по всему Марийскому краю исторических памятников, относящихся к периоду болгарского царства. За основу объединенного обзора материала мы взяли марийский язык, поскольку его древние формы пережиточно сохранились в современных хорографических названиях. В результате данной работы мы видим, что рассмотрение древних материалов при помощи марийского языка не противоречит ни археологическим и ни историческим данным, а лишь дополняет их. Однако при работе над темой мы постоянно чувствовали недостаточность научных данных по этому периоду истории марийского народа. Имеющийся материал слишком противоречивый и не систематизированный. Несмотря на это обстоятельство, автор стремился по мере возможности использовать все ранее опубликованные работы по вышеуказанным отраслям наук и на их основе создать наброски той исторической картины, которую безусловно исправят и дорисуют наши советские исследователи-специалисты.